

A romantic close-up of a young man and woman about to kiss. The man, on the left, has dark brown hair and is wearing a dark blue suit jacket over a light blue shirt and a dark tie. The woman, on the right, has blonde hair and is wearing a black, sparkly, strapless dress. They are both looking at each other with soft expressions. The background is dark and out of focus.

Наталья Польш

Её
СВЕТ
В
МОИХ
глазах

18+

Наталья Польш

Её свет в моих глазах

<https://litres.ru/74669889>

SelfPub; 2026

Аннотация

****Он****

Я привык добиваться всего сам, порой идя по головам. Во мне жили тёмные демоны: жадность, зависть, радость от чужой боли. Стремясь к славе, я не заметил, как всё изменилось. Возможно, это случилось, когда я встретил её — или когда понял, что люблю всем сердцем ту, что способна меня изменить.

****Она****

С детства моё сердце было отдано не тому человеку. Я наивно верила: однажды я стану для него центром вселенной. Всё изменилось — но теперь я не уверена, нужен ли он мне. На горизонте появился другой: тот, кто заставляет сердце биться чаще, видит свет в моих глазах и способен излечить мою разбитую душу.

Содержание

Плейлист	4
Пролог	6
Глава 1	18
Глава 2	29
Глава 3	42
Глава 4	50
Глава 5	58
Глава 6	67
Глава 7	74
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Её свет в моих глазах

Плейлист

A Life Divided — Feel

Баста, Полина Гагарина — Ангел верыТая — Влюбилась

ИСАЯ — Когда ты уйдёшь

Edgar Tuniyants — My Dreams

Баста — Моя Игра

Дмитрий Колдун — Фантом

Свои люди, *lampa4ka, SowCon - Танцевали*

HNZ — Королева

Chris Isaak — Wicked Game

DJ Artak, Sone Silver - Tell Me Tell Me Moonnight Remix

Dion Ora - Real Love

Junemix - Lily

Влад Соколовский — Ближе

VESNA305 — Землетрясение

Emil Sagitov - Reunion

ENZRO — Ты не бойся ночи

ENZRO — Тонули в тумане

CHEP IKK — Мокрые облака

XOLIDAYBOY — Помни

Craig Armstrong, Elizabeth Fraser — This Love

Edva , Nova Mira — Ещё вдох

XOLIDAYBOY - NEVERDIE

OCEVIA MUSIC – Слои исчезновения

Анастасия Айрих — Тишина громче, чем крик

N Ю — Красота

Андрей Губин — Птица

Предисловие автора:

Это произведение — нить, вплетенная в ткань романа «Научи меня любить». Чтобы уловить все нюансы и избежать коварных спойлеров, я настоятельно рекомендую окунуться в этот мир именно после прочтения основной истории.

Желаю вам захватывающего путешествия по страницам!

Пролог

Сегодня тот день, когда следовало бы перевернуть страницу и начать всё сначала. Время, когда иллюзии растаяли, а розовые очки разбились вдребезги. Момент истины, когда нужно принять единственно верное решение и расставить все точки над «и». В конце концов, это день освобождения человека, который по-прежнему дорог моему сердцу. Вот только я совершенно не знаю, что чувствую. В голове роятся мысли, порождая леденящий душу страх. Честно говоря, я уже не понимаю, кто я на самом деле.словно проживаю две параллельные жизни. В одной я – обычная девочка, выросшая в стенах интерната, а в другой – эгоистичная стерва, которой я стала благодаря Егору. Хуже всего то, что, находясь в поисках себя, я причинила боль одному по-настоящему хорошему человеку. Я навсегда оттолкнула его. Теперь он меня точно никогда не простит. А ведь так хочется заслужить прощение и, быть может, хоть капельку понимания...

Но ему вовсе не следовало открывать мне одну печальную тайну. Тайну, в которой замешан Егор. Я просто не могу в это поверить. Ведь если окажется, что это правда, то брату грозит куда более суровый срок, чем тот, что он уже отбыл. Мне даже кажется, что его выпустили гораздо раньше положенного.

Боже, как же я запуталась... Хотя, признаться, я не раз выходила из самых безнадежных передраг. Я привыкла так жить, но, черт возьми, как же больно. Хотя, в сущности, я не должна испытывать боль. За то время, что я не виделась с Егором, столько всего произошло. Я изменилась. Преобразилась и внешне, и внутренне.

А теперь... Теперь я сама не знаю, что делаю здесь, ранним утром. Как назло, в унисон моим мыслям моросит этот мелкий, противный дождь. Подняв глаза к хмурому небу, я покрепче укуталась в тонкую куртку, что натянула впопыхах ещё в квартире моего уже бывшего парня, и которая совершенно не грела мое напряженное тело. Капюшон я накидывать и вовсе не стала. Пусть дождь намочит меня с ног до головы. Что теперь терять? В моей жизни и так всё далеко не сладко. Сама виновата. Куда ни посмотрю, чего ни коснусь – всё порчу. А ведь должна радоваться, что всё так просто разрешилось. Парень, к которому я прониклась чувствами, повернулся ко мне спиной. Из СИЗО скоро выйдет человек, которого я больше всего на свете ждала. Хм, да мне следовало бы радоваться, а не грустить. Вот только радости я не чувствую. Сердце мое разбито на множество осколков, и всё потому, что я, похоже, поспешила со своим решением приехать туда, где вовсе не должна быть.

Моё место совсем не здесь. Моё место рядом с Лёшей. Моим Лёшей. Черт возьми, почему я поняла это только сейчас? Тогда, когда наговорила ему столько всего, чего невоз-

можно исправить. И я не знаю, смогу ли когда-нибудь это сделать. А ведь всё так красиво начиналось...

Вздохнув, я перевела унылый взгляд на распахнутые ворота, в проеме которых показался тот, кто снова позвонил мне, но не для того, чтобы я пришла, а для того, чтобы дать шанс на отношения, что я когда-то с нетерпением ждала. Он сказал, что готов попробовать сделать меня счастливой. Но теперь всё изменилось. Теперь, стоя здесь, я готова навеки попрощаться с ним. Навеки отпустить его. Человека, которого я любила, как мне казалось, половину своей сознательной жизни. С тех самых пор, как еще девочкой увидела его. Или, быть может, это не была любовь? Теперь, во всех оттенках сполна познав это чувство, я не могу сказать, что действительно любила своего сводного брата – вовсе не сестринской любовью.

Егор вышел за ворота колонии совершенно другим человеком. Хотя ему и было около двадцати шести, он выглядел лет на пять старше. Следы стресса и тяжелых условий жизни отчетливо проступали на его лице. Бледная кожа с нездоровым оттенком говорила о том, что Егор видел очень мало дневного света. Волосы, коротко стриженные, на затылке – татуировка в виде каких-то непонятных мне иероглифов. Взгляд настороженный и даже немного озлобленный. Глаза потускневшие. На лице щетина, которая, как мне показалось, вполне ему шла. Одет просто – в черную толстовку и такого же цвета штаны. В таком виде предстал передо мной

некогда горячо любимый брат, а теперь — совсем чужой человек. Похоже, тюрьма действительно меняет людей до неузнаваемости. Вот только он просидел там совсем недолго. Егору неожиданно смягчили срок. Вместо пяти лет дали два, но он не собирался даже столько сидеть. Не знаю, что послужило причиной, как брат смог выйти через год заключения, но могу с уверенностью сказать, что деньги сыграли здесь не последнюю роль. И, честно говоря, я очень жалела, что всё так неожиданно обрушилось на меня, не дав как следует подумать, стоит ли вообще приезжать к Егору. Я действовала машинально, и это мое поспешное решение стоило разрыва отношений с парнем, которого я смогла полюбить.

К Егору же и вовсе не осталось никаких чувств, кроме жалости. Да, во мне зрела невыносимая жалость к этому человеку. Но что касается любви? Нет, я больше не любила его. Мое сердце переполнялось чувствами к другому. Вот только я так и не сказала ему, что люблю, о чем пожалела только сейчас.

Егор остановился, на секунду глубоко вдохнул и невольно зажмурился от непривычного ощущения. Мой брат крепко сжимал в руке потрепанную спортивную сумку. Ветер трепал мои волосы, пахло дождем и осенней листвой, что кружилась над нами, срываясь с одиноко стоявших неподалеку деревьев. Егор сделал шаг вперед, потом еще один, медленно, будто пробуя землю на прочность.

— Ну вот и всё, — пробормотал он себе под нос. — Сво-

бода.

Слово прозвучало чуждо, почти насмешливо. Он оглянулся на серые стены, на вышку охраны, на колючую проволоку наверху. Где-то внутри меня шевельнулась грусть оттого, что ему вообще пришлось находиться в этом мрачном месте. Я ведь знала, что такому, как он, будет очень тяжело привыкнуть к обстановке, которая царила в его камере. Но нутром я понимала, что по-другому было нельзя. Егор совершил немыслимый проступок: похитил человека и насильно удерживал его в подвале. За что и понес заключение под стражу. Конечно, это еще не весь список его злодеяний. В квартире моего брата обнаружили целый сейф с различными запрещенными препаратами, которые, один Бог знает, для каких таких целей ему были нужны. И я теперь очень надеюсь, что, выйдя наконец на свободу, он встанет на правильный путь и начнет жизнь с чистого листа. А иначе зачем тогда выходить?

Егор закинул сумку на плечо и зашагал в мою сторону.

Шаги сначала были неуверенными, потом — всё более твердыми. Он не знал, что ждет его дальше, но впервые за то время, пока он находился за решеткой, у него был выбор. И это одновременно пугало и вдохновляло.

Остановившись напротив, брат улыбнулся, а я, наоборот, еще плотнее поджала обведенные розовым блеском губы.

— А ты изменилась. Снова перекрасилась? — заметил он вдруг, срываясь с места и подходя еще ближе ко мне.

Я сначала и вовсе не поняла, о чем он говорит. Продолжая

улыбаться, Егор довольно резко коснулся моих каштановых, отросших до плеч, волос, отчего мне захотелось немедленно оттолкнуть его. Но, опешив настолько, что не смогла сделать и шага, я так и застыла на месте, позволяя ему касаться себя.

— Впрочем, мне нравится. Тебе идет, — наконец, прекратив нагло водить своей прохладной ладонью по моей голове, Егор вернулся туда, где стоял ранее.

— Спасибо, — только промямлила я, сжимая и разжимая кулаки. «Дура, и зачем только ты приехала сюда?» — подумалось мне, но я сразу отбросила эту мысль. В первую очередь я приехала из чувства жалости. Ведь, как ни крути, Егор — мой брат, пусть и сводный. И потом, у него, кроме меня, никого нет. Мать так и осталась проживать за границей, и я не знаю, знает ли она, что ее сын находился в тюрьме. Думаю, что вряд ли. Ведь она, за всё время, как еще в детстве покинула его, так ни разу и не связалась с ним. А отец? Наш отец после заключения Егора под стражу внезапно сменил обстановку. Он встал на путь праведный, уйдя в монастырь. Я до сих пор не знаю, что побудило его на этот поступок. Возможно, он чувствовал вину за то, что у него такие дети, а может, просто не смирился с тем, что обанкротился. Да, мы теперь не были столь богаты, как раньше. Имущество после разорения отца пришлось продать, а на вырученные деньги я погасила долги и немного дала Егору, о чем теперь жалею. Если бы знала, что брат пустит средства на свое досрочное освобождение, то ни под каким предлогом не передала бы

ему их. Но что сделано, то сделано. Теперь ничего нельзя изменить.

Уйдя от Алекса я собиралась снова вернуться на съемную квартиру, которую хоть и жила в другом месте продолжала оплачивала на вырученные средства с галереи, где всё еще работала благодаря Лине. Она оказалась вполне хорошим человеком и не уволила меня после того, что я провернула за ее спиной. Ведь именно я сообщила тогда Егору, что их с Ангелиной обнаружили и Микаэль вскоре окажется там, где, собственно, и прятался мой брат.

В общем, как-то так. Теперь у Егора есть только я, и мне даже подумать страшно, что ему придется первое время проживать в моей квартире. Так уж получилось, что брату больше идти некуда, а я просто не могу бросить его на произвол судьбы.

— Одно не понимаю: зачем нужно было краситься, когда у тебя такой красивый, насыщенный цвет волос. Они же каштановые, правильно я понимаю? — спросил Егор, снова позволяя себе наглость дотронуться до моей головы. Но только теперь я не стояла истуканом. С помощью силы воли я оттолкнула его.

— Наверное, мне всё равно. А то, почему я стала вдруг блондинкой, ты и без меня должен знать, — довольно грубо выдала я. Мне надоело смотреть на то, как Егор делает вид, будто не в курсе моей болезненной любви к нему. А еще захотелось закончить наш дурацкий разговор и поехать домой,

где я смогу спрятаться в своей комнате и не выходить оттуда ровно до того момента, как Егор не уйдет куда-нибудь или не ляжет спать.

И словно в знак одобрения, или, может, нет, в кармане серой куртки раздался протяжный звонок моего сотового. Сейчас я была этому как никогда благодарна.

— Да! — вяло ответила я.

— Лиля? — всхлипнула на том конце провода моя начальница, с которой подружиться мне никак не удавалось. А всё потому, что она была безумной одержимостью Егора еще со школьных времён.

— Что случилось? — безразлично ответила я, переводя взгляд на стоявшего рядом брата.

— Не знаю, как сказать тебе... В общем, Ал уезжает за границу. Он просил передать, что сильно сожалеет о всех тех днях, которые вы провели вместе. Не знаю, что ты с ним сделала, но он сломлен... В общем, решать, конечно, тебе, но вам лучше бы увидеться. Он мой друг, понимаешь, и мне горько видеть, как...

Дальше я не слушала. Телефон просто выскользнул из ослабевших пальцев, оставив на дисплее уродливую царапину. Холод пробрал до костей, хотя внутри разгорался адский пожар.

— Ты чего? — Егор материализовался передо мной, опустился на корточки и поднял мой телефон. — Держи, пострадал немного, но это некритично, думаю, работать будет.

Хотя... — он задумался, — хочешь, куплю новый? — Он заботливо накинул поверх моей взмокшей куртки свою толстовку, оставаясь при этом в вязанном свитере, и принялся растирать мои озябшие руки.

— Это лишнее. Поехали домой, я устала, — с трудом выдала я, высвобождая руки из его теплых ладоней.

— Не думай, у меня есть деньги, и теперь я буду о тебе заботиться! — Егор довольно яростно смахивал капли дождя с лица. Да уж, он всё понял не так. Как всегда, ошибочно. Он воспринял мое состояние как отчаяние от того, что мы теперь — обычные смертные. Это осознание разозлило меня. «И где же ты был, когда мне так не хватало тепла и заботы?» — сжала я губы, вяло понимая, где ему еще быть, как не в тюрьме.

— И откуда, если не секрет, они у тебя? — сквозь зубы процедила я. — Почему-то ты не удосужился обмолвиться о них, когда я присылала тебе последние гроши.

— А зачем? Я же не просил тебя печься обо мне, — Егор уколол меня в ответ, и находиться рядом стало невыносимо. — Еще будучи на свободе, я положил средства под депозит в одну из ячеек банка. Думаю, за год там должна была набраться внушительная сумма, позволяющая нам безбедно существовать всю оставшуюся жизнь.

— А полиция? — удивилась я, решив ни в коем случае не прикасаться к этим ворованным деньгам. — Мне казалось, они проверили всё, что только можно.

Егор вдруг разразился противным, заливистым смехом.

— Какая же ты у меня дура, Лиля! Неужели, прожив столько лет под одной крышей, ты так и не узнала меня? — перестав смеяться, спросил он.

Конечно, я знала. Знала, какой он человек, и при этом продолжала слепо любить его как мужчину.

— Я всё досконально продумал еще тогда, когда работал в компании нашего отца. Открыв счет на твое имя, я раз в месяц перечислял небольшую сумму, кладя под проценты. Видимо, уже тогда предчувствовал, что однажды мы останемся ни с чем. Так что, Лиля, теперь ты богата и вправе делать с деньгами всё, что захочешь. Но знай одно: без меня их не снять. — Егор хохотнул, словно я вообще собиралась так поступить. — Только я знаю код, который нужно ввести в ячейку.

— Мне не нужны твои ворованные деньги. А теперь поехали домой! — Я натянула капюшон толстовки на голову.

— Успокойся, если я сказал, что позабочусь о тебе, то так оно и будет, — злобно проговорил Егор, ласково обнимая меня за плечи и глядя в глаза с щемящей мягкостью. Не выдержав такого проявления чувств, я в очередной раз отстранилась.

Эта нежность со стороны Егора казалась мне чем-то новым. Насколько я знала, он никогда раньше так со мной не обращался. Ему всегда, грубо говоря, было наплевать. А тут он вдруг стал беспокоиться. Брат, разумеется, не мог не за-

метить мою отстраненность и холодность. Примерно так я никогда не вела себя.

— Мы обязательно поедem домой, только сначала ты расскажешь, что, черт возьми, случилось. Кто звонил? И надеюсь, я не имею к твоему состоянию никакого отношения? — произнес Красавин, как всегда, видя меня насквозь.

— Я же говорю, устала! Ты здесь ни при чем, — сказала я. О случившемся я пока не могла ему рассказать. Сначала доедем домой, а там, в спокойной обстановке, я все объясню, а заодно спрошу его о том, что поведал мне Лёша.

— Просто ты в последние время реже стала приходить ко мне, и я подумал...

— И что ты подумал?

— Ну... может, у тебя кто-нибудь появился после этого неудачника? И ты решила забить на меня, — нахмурился Егор. А мне захотелось устроить ему настоящую взбучку и донести наконец, что именно он год назад смеялся над моими чувствами и даже толкнул один раз, когда я вынесла вердикт о его нездоровых отношениях с Линой. Надеюсь, теперь брат оставит Ангелину в покое. Ведь она, как-никак, замужняя женщина и недавно подарила жизнь двум чудесным дочерям, — промелькнула слабая мысль, прежде чем мир поплыл перед глазами.

— Что за бред, я просто работала. Эти голубки, оставив детей на попечение няни, умотали на юг с очередными гастролями, а мне пришлось остаться за главную, — соврала

я, чувствуя резкий, острый спазм в теле, отчего схватилась за живот.

Егор тут же, бросив сумку, оказался рядом. Подхватив мое горячее тело на руки, он отчаянно стал звонить в скорую. Я же уже не могла совладать с болью. Глаза сами собой закрылись, и я провалилась в темноту, где вновь увидела Лешу, дарившего свою обворожительную улыбку только мне одной.

Глава 1

Лиля

10 лет назад

Сжавшись в тугой комок, я, тихо всхлипывая, продолжала сидеть на пустыре, раскинувшемся прямо за углом ненавистного интерната. Дождь лил как из ведра, отчего намочил мои и без того мокрые волосы.

Этот день, как и все предыдущие, не предвещал абсолютно никакой беды. Кое-как отсидев урок этики, который мне совсем не нравился, я направилась в свою комнату, что делила ещё с тремя девочками-сиротками, но подружиться смогла только с одной.

Конечно, в тот день, как и во многие другие, я до комнаты так и не дошла. Дело в том, что урок этики, который вела набожная Элеонора Леопольдовна, находился в соседнем здании, и мне, чтобы попасть в нужный корпус, следовало пересечь улицу и идти вдоль растущих в ряд берёз. Летом там было совсем ничего не видно, а зимой – как на ладони. Вообще, я всегда боялась ходить по той дороге, так как мои одноклассники частенько в конце пути поджидали меня. Затем тащили на безлюдный пустырь и делали там всё, что заблагорассудится. Тогда, ещё будучи маленькой, я совершенно не понимала, почему они меня вдруг так невзлюбили. Но теперь догадываюсь: я была совершенно не такой,

как дети богатых родителей, которые отбывали здесь наказание за какие-нибудь грубые проделки. А я, с виду очень даже хорошенькая, с каштановыми, длинными волосами, шоколадно-карими глазами и смуглой кожей, мгновенно бросалась в глаза. К тому же, была одета так, как никто никогда не одевался в этой элитной школе. Моя довольно растянутая от долгой носки вязаная кофта в первый же день моего пребывания вызвала смех у всего класса, а изрядно потрепанный портфель подтолкнул одного мальчика слегка поиздеваться надо мной, подставив на лестнице подножку. Но я старалась не переживать по этому поводу. Воспитываясь с рождения в интернате, я привыкла к выживанию и рассчитыванию лишь на собственные силы. Итак, десятилетняя девочка, которую внезапно перевели в закрытую школу, стала игрушкой для битья.

Вот и сейчас меня жестоко избили, да не просто избили, а ещё и вылили целое ведро грязной проточной воды прямо на голову. Но на этот раз я не стала возвращаться в комнату. Ведь и там меня ничего хорошего не ждало, а здесь, под холодными струями дождя, я хоть немного побыла наедине с собственными мыслями.

Подняв голову к небу, я то и дело задавала один единственный вопрос: «Почему?» Почему я попала сюда? Ведь там, где жила изначально, чувствовала себя вполне счастливой. И пусть то был интернат для бедных осиротевших детей, но там мне было хорошо. Там относились ко мне как к

равной, а не как к отбросу общества.

Всё изменилось год назад. Не вдаваясь в подробности, меня просто взяли и перевели в другое учреждение, находившееся в Подмоскowie. В место, которое и домом я назвать не могла. В место, где за любую провинность готовы наказать так, словно ты совершил нечто ужасное.

Понимая, что разбушевавшееся небо так и не даст ответа на мучивший меня вопрос, я встала. Что ж, пора возвращаться, а иначе меня хватятся, и это очень не понравится заведующей этой противной Тамаре Борисовне, которую за глаза окрестили «Борькой».

Вымокшая до нитки, но при этом совершенно не чувствуя холода, я не торопясь засеменила в сторону общежития.

Войдя в холл, я осторожно, стараясь при этом не наследить, собиралась прошмыгнуть на второй этаж, где находилась моя комната. Правда, в этот день сделать этого мне было не суждено.

— Лилечка, Боже, где ты была всё это время? — окликнула меня наша техничка. Это была преклонного возраста женщина с добрыми голубыми глазами и всегда строго заплетёнными в массивную тёмную косу волосами. Звали её Варвара Александровна. Она была единственная в своём роде, кто относился ко мне с теплотой и состраданием.

— Извините, Варвара Александровна, я просто не успела добежать до своего корпуса. Начался дождь, который миглом намочил меня. Ещё раз простите, я всё уберу, — сказа-

ла я, виновато потупив взгляд в пол, где образовалась уже приличная лужа.

Спустившись с лестницы, где до этого всё время стояла Варвара Александровна, подошла ко мне.

— Ладно, что уж там, сама вымою, а ты иди и переоденься во что-нибудь более сносное, а затем отправляйся в кабинет заведующей. Там, кажется, по твою душу пришли.

От таких слов я тут же опешила. Уже целый год я находилась здесь, и за это время никто не навещался ко мне. Я уже давно смирилась с чувством одиночества и ненужности, а тут такое... Кто наконец вспомнил обо мне и неожиданно захотел навестить?

Я не раз догадывалась, что не спроста нахожусь в этом месте. У меня точно был благодетель, ведь здесь никто не жил просто так. Содержание в элитной школе стоило немалых денег, которых у меня просто не было. Значит, за меня кто-то платил, и этот кто-то сейчас находился в кабинете Тамары Борисовны. В свои десять лет я была вполне смышлёной девочкой и уже тогда с лёгкостью могла сложить некоторые факты между собой.

— А вы случайно не знаете, кто мог приехать ко мне? — спросила я, прежде чем уйти. Мне нужно было знать, к чему стоит быть готовой, а что может сильно взволновать меня.

— Эх, деточка, если бы я только знала, разве бы заставила мучиться тебя, — пожимая плечами, сказала техничка. — Могу сказать только одно: это он платил за тебя всё то вре-

мя, что ты находишься здесь. Сама лично подслушала, как наша Тамара Борисовна спрашивала, когда этот человек может снова внести необходимую плату. Но ты не задерживайся, если позвали, быть может, хотят забрать тебя, — сделала свои нелепые предположения Варвара Александровна.

— Хорошо, спасибо! — кивнула я, направляясь к лестнице.

— Не за что, удачи тебе, деточка, — сказала она в ответ, улыбнувшись.

Добравшись до своей комнаты и взяв всё необходимое, я побежала в душ, надеясь, что там в это время никого нет, а иначе мне пришлось бы довольно долго ждать, пока вымоются другие, чего я вовсе не хотела.

Мне повезло. В душевой, как и в комнате, никого не оказалось. В это время все находились в столовой, а это значит, что я смогу избежать нового всплеска негатива, направленного лишь в мою сторону. Единственный человек, которого мне сейчас не хватало, оказалась Юлька. Моя лучшая подруга, а также рассудительная девочка с миленькими рыжими кудряшками. Она могла дать нужный совет в любой ситуации. Жаль, что сейчас мне не у кого спросить, как следует поступить. Чего ждать от разговора и что говорить, если спросят...

«Ладно, поговорю с ней позже», — бросила я, в последний раз оглядев комнату. Эх, знала бы я, что такой возможности больше не представится никогда...

Остановившись у нужной двери и одёрнув свою всё ту же растянутую кофту, надетую поверх розового лёгкого сарафана, я тяжело вздохнула. Сейчас я сильно нервничала, чего не делала ещё никогда, а всё потому, что меня сковал страх. Я боялась увидеть того, кто стоит по ту сторону двери и чего-то хочет от меня. А вдруг он окажется одним из тех десятков людей, которые поднимают руку на ребёнка? Или, того хуже, продаст меня на органы? «Брось, Лилька, это ж надо такое придумать! Быть может, он просто не захочет тебя брать с собой, или переведёт ещё в какое-нибудь дорогущее заведение, а ты себя уже накрутила», — одёрнула я себя. И надо же было такому случиться, в этот самый момент передо мной открылась та самая дверь, а перед глазами возникла противная, злобная физиономия «Борьки», которая буравила меня недовольным взглядом голубых, словно воды океана, глаз.

— Что встала? Заходи, — скептически, оглядывая мой довольно бедный наряд, сказала она.

Кое-как переступив порог, я вошла и так и остолбенела на месте от того, кого увидела перед собой.

В кожаном кресле, в кремовом дорогом пиджаке и выглаженных до блеска коричневых брюках сидел гордый, властный мужчина, одним только видом внушавший безумное желание скорее бежать отсюда без оглядки. Но что самое удивительное — он очень сильно походил на меня внешне. Словно был моим... Об этом даже думать не хотелось, и я надеялась, что он не имеет ко мне никакого отношения, а иначе,

я даже не знаю, как поступлю. Почему-то сейчас мне очень сильно захотелось остаться в этой ужасной школе, чем ехать с ним куда-нибудь. Уж до того он отталкивал от себя и вызывал необъяснимое чувство паники, которое было мне во все незнакомо.

Тёмные, словно смоль, волосы, уложенные в элегантную причёску, придавали особый лоск, а глаза цвета шоколада смотрели в самую душу. У меня тоже были те же самые черты, но что поразило больше всего, так это интригующая родинка, находившаяся прямо у изгиба полных, привлекательных губ. В свои сорок с небольшим, как мне показалось, судя по его атлетически подтянутому телосложению, мужчина выглядел хорошо и мог даже побороться за титул топ-модели в журнале «Vogue», который я так любила время от времени просматривать. Что-то здесь было не так. Я это чувствовала, как ещё никогда в своей нелёгкой жизни.

— Садись, милочка, и поприветствуй своего новоиспечённого отца. Он приехал забрать тебя, — клацая белоснежными зубами, сказала заведующая с фальшивой вежливостью, выдвигая свой стул, конечно же, для меня. — Итак, на чём мы остановились? Ах да, сначала поставьте подпись вот здесь и здесь для формальности, — прохрипела она, указывая на какой-то документ, лежавший на столе прямо напротив мужчины, — а затем можете забирать девчонку.

Мужчина, не глядя, поставил подписи и посмотрел на меня пристально-вдумчивым взглядом, отчего я сглотнула, а

комков застрял в горле.

Опешив настолько, что передвигаться была не в силах, я так и осталась стоять на месте. Паника нарастала, отчего мне казалось, что я сейчас потеряю сознание и свалюсь прямо на дорогом пепельно-сером ковре Тамары Борисовны.

Благо, положение спас тот самый мужчина, что вальяжно, перекинув ногу на ногу, продолжал сидеть со скучающим видом в кресле.

— Оставьте нас ненадолго одних, неужели не видите, как она напугана! — намеренно растягивая каждое слово, выдал он. Это выглядело так властно, что «Борька» даже попятилась, а на морщинистом лбу выступил холодный пот.

— Ой... Да конечно, э... простите, — не останавливаясь и даже совсем не окинув меня взглядом, женщина поспешила скорее убраться из своего кабинета. Во мне же неожиданно проснулся дикий смех, отчего на глазах выступили слёзы.

— Вижу, ты уже пришла в себя. Это хорошо. Меньше шума, как говорится. А теперь — поехали. Не хочу здесь больше оставаться, да и времени нет. Не став дожидаться моего ответа, мужчина направился к выходу.

И лишь тогда я осознала всю плачевность своего положения. А еще то, что по-прежнему не знаю имени моего внезапно свалившегося на голову отца.

- Прости, я думал, ты уже слышана о моём приезде, — словно читая мои мысли, произнёс этот весьма странный мужчина. Теперь он стоял совсем близко, и я уловила слабые

нотки цитрусовых духов, которыми он, должно быть, отчаянно орошал себя, собираясь куда-нибудь.

— Моё имя — Красавин Константин Константинович. И да, я твой отец, — чопорно выдал он, выпрямившись вовесь рост и слегка приподняв подбородок, будто зачитывал титул перед королевским двором. То, как он произнёс свои инициалы, ещё больше расмешило меня. Подумать только — все три слова начинались на одну и ту же букву! «Так я точно не запутаюсь», — мысленно усмехнулась я, еле сдерживая смех, и поспешила прикрыть рот ладонью, чтобы отец не заметил моей реакции.

- Никуда не пойду, пока не узнаю, почему всё время находилась здесь, — неожиданно осмелев, сказала я. Мне нужна была правда.

Мужчина окинул меня раздраженным взглядом, по которому было ясно, что ему совсем не по душе забирать меня. Тогда зачем он пришёл? Оставил бы меня здесь, и всё.

- Пойми, я и сам не в восторге от того, что мне приходится возиться с тобой, — резко отчеканил он. — Но так уж получилось, что мать твоя недавно скончалась от отравления алкоголем, которым не переставала баловать себя даже после нашего разрыва. Мне же пришлось расхлёбывать все её проблемы. - Разглядывая меня, словно диковинный экспонат, он вдруг усмехнулся. — Дело в том, что я очень известная личность. В своих кругах, конечно, — поправился он. — Журналисты-стервятники недавно прознали о моём тём-

ном прошлом, которым я не хочу делиться ни с кем. У меня, между прочим, предвыборная гонка намечается, где я намерен победить. А ты... — Презрительно указал он пальцем на меня. Это выглядело так, словно я не человек, а назойливая букашка, которую следует мигом раздавить, но нечем. — ...вообщем, поэтому я здесь, и ты поедешь со мной. Пора тебе познакомиться с семьёй. Да и привык я, чтобы все мои дети жили со мной, — закончил он, а я задумалась, сколько же у него детей, если он так говорит.

Завершив разговор, мужчина, которого я иначе и не могла назвать, повернул к двери, и мне ничего не оставалось, как послушно последовать за ним.

Позже он молча усадил меня в дорогую черную машину. В тот момент я вспомнила, что забыла попрощаться с Юлькой и Варварой Александровной, а также забрать немногочисленные вещи, которые все еще хранились в уже не моей комнате. К сожалению, я так их и не взяла, и, что еще хуже, не попрощалась с теми, кто был мне по-настоящему дорог. Не желая больше вести ненужные разговоры с Тamarой Борисовной, мой отец сел рядом со мной в машину. Приложив мобильный телефон к уху, он мгновенно кивнул водителю в черной униформе, и автомобиль тронулся в путь.

Всю дорогу мы не обменялись и парой слов. Мужчина, поглощенный какими-то куда более важными делами, чем его новообетенная дочь, беспрестанно говорил по телефону. Я же, крепче кутаясь в кофту, задумчиво смотрела на удаляю-

щиеся кроны зеленых берез, которые, казалось, больше никогда меня не увидят, и на плывущие за нами белоснежные облака, будто насмехавшиеся надо мной.

Глава 2

Лиля

Константин Константинович привез меня в трехэтажный особняк, возвышавшийся на пике холмистого склона. Пирамидальный стиль дома, с его дугообразными стенами, переливающимися на солнце, придавал особый шарм и величие. Ухоженные кустарники, чьи ветви были подстрижены в форме причудливых зверей, были рассыпаны по всему периметру, создавая впечатление, что я оказалась в зоопарке, а не на участке богатого человека. Когда машина въехала, ворота распахнулись с тихим щелчком, и причудливые фигуры зверей, казалось, стали еще более враждебными, будто готовые в любой момент броситься на меня и утянуть в свое логово. Однако мои опасения оказались напрасными – никто не собирался этого делать.

Машина остановилась на гравийной дорожке, и к нам навстречу выбежала полноватая, добродушная женщина в белой униформе. Отец, словно не замечая ее приветствия, молча вышел из машины. Я тоже хотела выйти, но дверь уже открывал водитель. «Казалось, они все здесь, как роботы, – промелькнула мысль, – кроме этой женщины, конечно».

– Вот познакомься, – сказал отец с почтением, указывая на женщину. – Это Элеонора Эдуардовна, наша экономка. Теперь она будет прислуживать тебе.

– Ох, что вы, Константин, – запричитала Элеонора, опускаясь передо мной на колени. Грациозно, несмотря на почтенный возраст. Судя по седине в каштановых волосах, туго собранных в пучок, ей было за шестьдесят. Я угадала точно, как и всегда, ведь я могла безошибочно определять возраст людей, немало насмотревшись на свое окружение, пока жила в интернатах.

– Ради Бога, какие формальности! Давай просто по имени, хорошо? Тебя, милочка, как зовут?

Я с опаской перевела взгляд на отца, не зная, можно ли мне вступать в диалог с прислугой. Отец молча кивнул. Набрал побольше воздуха в легкие, я прошептала:

– Лилия я.

– Оу, какое красивое имя! А я тетя Эля, хотя можешь звать меня просто Элей. Я здесь уже много лет служу, как-никак. Еще помню, как твой отец под стол ходил, а теперь вон какой вырос, – рассмеялась она. Я решила, что с этим человеком мы быстро поладим.

– Бросьте болтать, Элеонора, займитесь лучше делом. Покажите всё моей, кхм, доченьке. Я буду у себя в кабинете. Кстати, Влада с сыном еще не приехали? – спросил отец, и впервые в его голосе проскользнула теплота. Даже мимолетное «доченька» померкло на этом фоне. Да уж. Я и не знала, что у этого высокомерного мужчины есть семья. «Интересно, какая она», – подумала я, неожиданно улыбнувшись.

– Простите, Константин Константинович, нет, они еще не

приехали. Просили передать, что будут к вечеру. У Владиславы возникли кое-какие дела.

– Знаю я ее дела. Опять на шопинг поехала, – раздраженно бросил отец, заходя в дом.

Мы с Элеонорой Эдуардовной остались одни. Мне стало как-то неловко. Мысль о том, что я чужая в этом доме, не покидала меня ни на секунду.

– Пойдем, деточка, я покажу тебе твою комнату, – улыбуясь мне в ответ кривоватой улыбкой, сказала добродушная женщина. Затем, хлопнув себя по лбу, она вдруг виновато пробормотала: – Бог мой, да ты, должно быть, голодная! Как я сразу не догадалась. Правда, у нас обед, завтрак и ужин строго по расписанию, но думаю, на кухне что-нибудь да найдется.

Не задавая больше вопросов, эта женщина, странная до мозга костей, потянула меня за собой. Войдя в роскошную гостиную, вызвавшую у меня восторг, мы направились на нижний, цокольный этаж, где располагалась не менее роскошная кухня.

Позже я заметила, что все в этом доме имело свой строгий порядок. На втором этаже – гостевые и хозяйские спальни, совсем не похожие друг на друга. На третьем – спортивный зал с тренажерами и стол для настольного тенниса. Зал, впечатлявший своими габаритами, находился под самой крышей. Окна смотрели на небо, и ночью, в ясную погоду, можно было видеть и считать звезды, что я и делала позднее, жи-

вя в этом унылом доме. Еще в особняке располагался зимний сад, где я иногда отдыхала от осенней слякоти и морозной зимы.

Вообще, мне здесь определенно нравилось. Даже презрительное отношение отца, которого я больше не видела до самого ужина, не могло испортить восторг от этого дома и, в особенности, от огромной комнаты, в которую меня поместили. Она была обставлена со вкусом, конечно же, в розовых тонах. Единственное, что меня настораживало, – это семья моего отца. Я почему-то очень боялась с ними встретиться и в то же время фантазировала, как все пройдет.

Итак, вечер настал. После того как Элеонора Эдуардовна накормила меня и сводила на экскурсию по огромному, словно целая школа, дому, я прилегла ненадолго на просторную двуспальную кровать и так и уснула, утопая в шелке золотистых простыней. Разбудил меня какой-то странный шум. На миг даже показалось, что включили телевизор, остановившись на каком-то боевике, и теперь по всему дому слышна оглушительная стрельба.

Неохотно приоткрыв глаза, я приподнялась на кровати и прямо перед собой увидела русоволосого юношу, примерно на пять лет старше меня.

Карие глаза с отблеском шоколада, в точности как у меня, с недоумением и плохо скрываемой злостью смотрели прямо в упор, вызывая внезапно приятные мурашки по всему телу, а сердце забилось в разы быстрее. Было что-то в них та-

кое, что притягивало к себе и в то же время заставляло быть настороже. Юноша оказался очень хорош собой, но в то же время опасен и хитер. То, что я ранее приняла за шум из телевизора, оказалось всего лишь магнитолой, удерживаемой в напряженных детских руках.

– Ты кто такая и что забыла в комнате Леопольда? – язвительно спросил он, чем еще больше сбил меня с толку.

– Кого? – не поняла я.

– Моего кота, конечно! Кстати, не видела, куда он мог пропасться?

Совсем ничего не понимая, я принялась оглядываться по сторонам. Теперь и мне стало интересно найти это странное животное, которому принадлежала целая комната. Но никакого кота я, к сожалению, так и не обнаружила. Его не было на кровати, и под кроватью тоже не оказалось. Я мигом это проверила, как только встала. И честно говоря, лучше бы я этого не делала. Парень как-то брезгливо осмотрел меня с ног до головы.

Недовольно поморщившись, он наконец произнес:

– Ничего себе! И когда это дети прислуги стали прохлаждаться в хозяйских комнатах вместо того, чтобы заниматься работой?

Я со злостью посмотрела на него. Этот незнакомец начал меня изрядно раздражать, хотя сначала очень даже понравился.

– Это я не то, чтобы... – пыталась возразить я.

– Пап! – заорал юноша не своим голосом. Я тут же крепко зажала уши – так сильно резанул по слуху его неугомонный писк.

На шум парнишки сбежались все, начиная от прислуги и кончая хозяевами.

– Егорушка, вот ты где, милый! А я-то думала, что ты в настольный теннис играешь, – причитала Элеонора Эдуардовна.

– Познакомились, значит, – хмыкнул отец.

– Что здесь происходит? – поинтересовалась привлекательная темноволосая женщина лет тридцати пяти. «Должно быть, она и есть жена отца», – запоздало подумала я, замечая рыжеволосую пушистую кошку, мирно спавшую на подоконнике. Животное так крепко дремало, примостившись ближе к батарее, что вовсе не слышало, какая драма только что развернулась прямо перед его посапывающим носом.

– Эта... – косо посмотрев на меня, сказал Егор. Меня тут же возмутила его манера говорить обо мне так, словно я не человек вовсе. Хотя откуда ему знать, как меня зовут? Нас ведь еще не представили друг другу. Но, с другой стороны, он мог бы сам спросить мое имя у меня же, и тогда не пришлось бы так изъясняться.

Секунду парнишка думал, как следует обращаться ко мне. Эта секунда сильно раздражала и возмущала меня. Ведь я находилась под пристальным взглядом шоколадных глаз, и лучше бы он вообще не смотрел на меня, чем разглядывал

с такой безразличностью, отчего любой почувствует себя не в своей тарелке.

– Знаете, она без спроса дрыхла в комнате Леопольда и, похоже, спугнула его непревзойденное величество своим пугающим видом, – наконец, ничего лучше не придумав, как назвать меня, выдал этот малец.

И тут я не выдержала. Все, хватит с меня унижений! Табу, как говорится. И пусть меня потом накажут, или, того хуже, выгонят из дома – молчать я не буду.

– Вообще-то, у этой, как ты говоришь, есть имя!

– И какое же? Страхолюдина? Или, дай подумать, Нищесбродка? – перешел на оскорбления этот, на вид, вполне дружелюбный пацан. Хотя что в нем дружелюбного? Разве что внешность, но она, как говорится, всегда обманчива.

– Егор! Быстро извинись! – рявкнул отец, на корню обрывая унижение, чему я была благодарна.

– Костя, я не поняла, и за что он должен извиняться? – вдруг вмешалась та самая дама, которая все то время, пока ее сын сквернословил, со скукой пялилась в свой дорогой мобильник, что-то усердно в нем набирая, и совершенно не обращала на меня никакого внимания. – Посмотри, дочь прислуги в наглую бродит где вздумается, а ты еще заставляешь Егорушку извиняться перед ней. Не проще ли просто уволить их, и дело с концом? Я, между прочим, еще не ужинала и хочу спать.

Демонстративно зевнув, женщина впервые посмотрела на

меня. В ее взгляде неожиданно вспыхнуло что-то тревожное, что смутило меня. Слава Богу, что эта эмоция длилась недолго. Она мгновенно погасла, как и появилась на высокомерном лице.

– Так кто твоя мать, милочка? – зевая, спросила она. «Эх, знали бы вы, кто моя мать и откуда я приехала, совсем бы дар речи потеряли», – злорадно подумала я, но говорить ничего не стала. Да и не пришлось. Прояснить ситуацию вызвался мой отец, и то, что он сказал, всех, несомненно, поставило в ступор.

– Перестань, Влада! – спокойно, но в то же время властным тоном отчеканил он, отчего жена в недоумении посмотрела на него. – Знакомьтесь! Это Лиля, моя дочь от первого брака. Впредь советую относиться к ней с уважением. А это Влада и Егор, моя, как бы сказать, новая семья, — добавил отец, поворачиваясь ко мне. — Впрочем, думаю, ты и так о них наслышана. В его интонации, особенно на словах «новая семья», мне стало необъяснимо грустно, а в голове ещё сильнее засело понимание того, что я здесь чужая. Похоже, никто в этом доме не был в курсе затеи моего отца. – Теперь, если нет вопросов, — продолжил он, — пойдёмте ужинать.

Но никто так и не сдвинулся с места. Прислуга смотрела на меня в упор, изредка перешёптываясь. Тот противный мальчишка, который до этого был в лютой истерике, теперь, застыв, уставился на кота и, казалось, забыл о моём существовании. Супруга отца пребывала в настоящем шоке, пы-

таясь переварить услышанное, отчего краснела ещё больше.

- Ну знаешь ли, Костя, это уже слишком! — пропела Влада, обливаясь холодным потом. — Выбирай, кто тебе дороже: я, или... — она указала на меня наманикюренным пальцем, — ...она?

Отец замер на полушаге от распахнутой двери. Не удостоив свою разгневанную жену даже взглядом, он резко бросил:

- Влада, я уже говорил, что не потерплю в своём доме скандалов. Если что-то не устраивает — уходи, но мои дети останутся со мной.

Его тон заставил всех попятиться и поспешить по своим делам. Остались только я, Егор и отец с моей новообретенной мачехой.

Но Влада не сдавалась. Она рассвирепела ещё больше. Даже мне было страшно смотреть на неё в эти минуты.

- Ничего себе, вспомнил таки, что дочка у него есть. Интересно, где же ты был, когда она появилась на свет? Ах, да! Позволь напомнить, что уж точно не со своей драгоценной женой, — продолжила она, не понимая, как эти слова ранят маленькую девочку, всё ещё стоящую рядом. — Милочка, твой папа был со мной, со мной, понимаешь? — она ударила себя в грудь, — в тот самый миг, когда твоя мать рожала. А ещё у него уже имелся ребёнок, поэтому ты явно лишняя. Он прямо так и сказал твоей маме: “Катя, делай аборт, жить с тобой я не хочу”. Она хохотнула, яростно поправляя бретельку чёрного атласного платья, что постоянно ускользала

с плеча.

- Влада, зачем ты так? — устало вздохнул отец. Но Влада, словно не замечая реплики, продолжала:

- Он никогда тебя не полюбит! Поэтому, девочка, мой тебе совет: беги отсюда, пока ещё можешь, пока этот акулый дом не проглотил тебя. Ведь если останешься, то так и будешь на вторых ролях. А ещё лучше — станешь прислугой у родного отца.

И вот слова сказаны, а я совершенно ничего не чувствую. Я словно окаменела. Неужели настолько бездушная, что мне всё равно?

- Егор, уведи её отсюда! Нам нужно поговорить и кое-что прояснить с твоей матерью, — приказным тоном, словно только что не разговаривал с сыном, сказал отец.

На какой-то миг мне показалось, что Егор слушается и не захочет выполнять требования отца, но я ошиблась. Без каких-либо возражений он взял меня под руку и потащил прочь из комнаты.

- Подумать только, он ещё и сына заставляет возиться с этой девчонкой! Не позволю! — донеслось до меня прежде, чем мы свернули за угол.

Затащив меня в какую-то подсобку — это я сразу поняла, судя по тому, как там было тесно для нас двоих, — Егор наконец перевёл дух и отпустил меня.

- Как ты? — глядя прямо в душу, вдруг участливо спросил он.

- Я?

Этот парень ещё больше смог удивить меня. Интересный поворот. Сначала он оскорблял и унижал, а теперь выражает сострадание. «Да уж, странная семейка, не дать ни взять», — хмыкнула я, неожиданно улыбнувшись.

- Да ты, похоже, не в себе. Ничего, это пройдёт. Моя мать — не подарок, и, в общем... не бери в голову, — вполне дружелюбно сказал он, заправляя непослушный локон, упавший мне на лоб, за ухо.

И именно в этот миг я влюбилась по-настоящему в своего сводного брата, хотя ещё даже не знала, что значит это чувство. Тем более в моём-то возрасте. Но я неожиданно для себя смогла разглядеть в этом гордом, неприступном мальчишке ранимую душу, в точности похожую на мою. Эх, знала бы я тогда, к чему приведёт меня такая всепоглощающая любовь и надежда, что когда-нибудь она станет взаимной.

После того случая мы с Егором стали очень близки. Порой мне казалось, что я нравлюсь ему. Вот только, похоже, я ошибалась. Егору никто не нравился. Воспитываясь в холодной, чёрствой семье, он становился совершенно отчуждённым. Он не чурался до жестокости, мог с лёгкостью причинить кому-нибудь вред и при этом даже не извиниться. Но я, окрылённая любовью, совершенно не замечала этого. Мне казалось, Егор был вполне хорошим и дружелюбным, но это была лишь одна из многочисленных его масок.

Мы проводили вместе всё свободное время: гуляли после

школы, болтали допоздна, делились секретами и мечтами. Егор оказался совсем не таким, каким я его поначалу считала. За внешней грубостью и показной холодностью скрывался добрый, внимательный человек — тот, кто умел слушать и понимать без слов. Жаль, что это мне лишь казалось. Нет, он действительно был таким по отношению ко мне, и так бы продолжалось дальше, если бы на горизонте не появилась та, без которой он уже не мог жить.

Однажды, сидя на старой скамейке в парке неподалёку от дома, я всё-таки решилась поговорить с братом о том, что давно меня тревожило.

- Егор, — начала я нерешительно, теребя край свитера, — а почему твой отец так ко мне относится? В тот день... он говорил так, будто я какая-то обуза.

Егор замер на мгновение, потом вздохнул и посмотрел вдаль, на деревья, слегка покачивающиеся от ветра.

- Он просто... не привык к новому. К тому, что теперь в семье есть ещё один человек. Всё произошло так быстро, ты появилась — для него это всё в новинку. Он консерватор, понимаешь? Ему сложно принять перемены.

- Но почему тогда он заставляет тебя “возиться со мной”, как он выразился? Разве это честно?

Егор пожал плечами, но я заметила, как напряглись его плечи.

- Потому что он считает, что так правильно. Что я должен “присматривать” за тобой, помогать адаптироваться. Хотя,

если честно, — он вдруг улыбнулся, — мне это вовсе не в тягость. Наоборот.

Я почувствовала, как щёки заливает румянец, и поспешила отвести взгляд.

- А твоя мама... Она как к этому относится?

- Мама? — Егор усмехнулся, но в его глазах появилась теплота. — Не переживай, со временем и она примет тебя. По-другому просто не может быть.

Он повернулся ко мне и протянул руку.

- Давай договоримся: если что-то беспокоит, говори сразу. Не держи в себе. Мы же теперь вроде как брат и сестра, верно?

Я кивнула, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. В тот момент я поняла, что, несмотря на все сложности и недопонимания со стороны его отца, у меня появился человек, на которого я могу положиться.

- Договорились, — ответила я, вкладывая свою ладонь в его руку. — Спасибо, Егор.

Он улыбнулся — по-настоящему, искренне — и мы снова замолчали, наслаждаясь тишиной и ощущением того, что теперь всё будет по-другому.

Глава 3

Лиля

В доме отца я продолжала жить, в то время как Влада, вскоре после учиненного ею скандала, уехала за границу, где обзавелась новым любовником. Егором же она, пока мы росли, вовсе не интересовалась, чем сильно меня злила. Такое отношение матери не прошло для него бесследно. Чувствуя ненужность, Егор все больше замыкался в себе и ожесточался. Но я, ничуть не смущаясь, продолжала любить своего сводного брата, отнюдь не сестринской любовью. Он же воспринимал меня лишь как младшую сестру, неожиданно свалившуюся на голову. Поначалу я не принимала это близко к сердцу, отчаянно веря, что однажды Егор увидит во мне женщину. Ведь с возрастом я расцветала все больше. А Егор в юные годы совершенно не следил за собой. Он был настоящим ботаником: носил очки, одевался безвкусно и был слегка полноват. Еще в девятом классе у него появились прыщички, вызывавшие неудержимый смех у девочек, что меня тоже сильно раздражало, а его угнетало и лишало твердости духа.

Я старалась изо всех сил утешить любимого брата, но он с каждым едким словом, с каждым насмешливым смешком уходил в себя еще глубже. И это длилось бы, наверное, очень долго, если бы не внезапная встреча с одной изнеженной особой, зародившей в Егоре безумную любовь и неудержимую

тягу начать меняться. Впрочем, то, что он чувствовал к этой девочке, любовью назвать было сложно. Едва увидев ее, Егор не просто влюбился — он обезумел, ничего не видя перед собой, кроме объекта своей страсти.

Я же оказалась на вторых ролях. Мы больше не ужинали вместе, не делились мыслями, не поддразнивали друг друга. Все из-за той ненавистной девчонки, которая, сама того не подозревая, однажды лишила меня надежды на светлое будущее с этим мальчишкой.

А началось все с одной-единственной встречи в ресторане, где мой отец забронировал столик со своим старым приятелем, с которым не виделся очень давно. Отец познакомился с Ильей Романовичем еще в школе, они стали лучшими друзьями, но потом судьба надолго развела их. После школы отец уехал учиться за границу, а по возвращении решил обосноваться в Весьегонске, где был проездом. В этом маленьком живописном городке Тверской области он, как он сам говорил, обрел смысл жизни. В чем заключался этот смысл, я так и не узнала. Каждый раз отец внезапно замыкался в себе, словно понимал, что сболтнул лишнего. Казалось, он что-то недоговаривает. Но оказалось все просто: у отца в Весьегонске была любовь, о которой он не хотел говорить.

Сначала я думала, речь идет о моей матери или Владе, но после очередного разговора с отцом поняла, что дело совершенно в другом. Девушка, которую любил отец, была сестрой супруги его так называемого друга. Вот почему он обра-

довался, когда на одном закрытом мероприятии, где собрались предприниматели со всей России, случайно повстречал своего давнего знакомого. Отец надеялся вновь увидеть любимую, но, как говорится, и здесь опоздал. Незадолго до встречи женщина уехала в Сибирь и обосновалась там.

Но отец не сдавался. Чтобы разузнать что-нибудь об объекте своих страданий, он решил забронировать столик в ресторане. К тому же он хотел наверстать упущенные годы и познакомить нас с семьей Ильи Романовича Обухова.

Конечно, друг отца пришел не один. С ним были его супруга и две красавицы-дочери. Одна из них, похожая на ангела, мгновенно покорила моего Егора.

— Лина! — представилась она, а он, потеряв дар речи, забыл, что следует говорить.

Наши отцы дружно рассмеялись. Старшая сестра Лины, темноволосая неприятная особа, нахмурилась, а мать скуляще зевнула. С тех пор отец принялся делать все возможное и невозможное, чтобы породниться с семьей своего закадычного друга, мечтая, вероятно, таким образом когда-нибудь встретиться с любимой. Правда, дочь Обухова не разделяла его попыток сблизить детей. Ее, похоже, такая навязчивость нервировала. Кому понравится, когда тебя при каждом удобном случае стараются оставить наедине с человеком, всплывшим к тебе нездоровыми чувствами? Этой девчонке тоже не нравилось, что было мне на руку. Последней каплей в этом безумии стало то, что Егора вдруг перевели в ее класс.

Но как ни старались родители свести своих детей, ничего не получалось. Оказалось, Лина с детства любила одного мальчика, ребенка партнера отца, который тоже часто бывал в их доме. У Егора не было шансов ее завоевать, и мне казалось, что он рано или поздно сдастся и заметит меня. Но нет, он продолжал, как замороженный, повторять одно и то же: однажды Лина обратит на меня внимание и полюбит.

Мне оставалось лишь смириться и жить дальше, но я не могла. Настолько сильна была моя любовь к Егору.

Наверное, так бы все и продолжалось, если бы судьба сама не решила за нас, что лучше. Вскоре после знакомства с семьей Обухова отцу срочно понадобилось ехать в Москву, где у него тоже была фирма. Там случились серьезные проблемы, которые нужно было немедленно решать. Ведь фирма стояла во главе всех отраслей, управляемых отцом, и если бы он не поехал, бизнес развалился бы. В итоге предстоял переезд в Москву на пару лет, а может, и больше.

— Ты поедешь со мной! — безапелляционно заявил отец, глядя на удивленного Егора.

— Зачем это? — спросил тот.

Похоже, Егор не был рад такому решению, Впрочем, как и я.

— Как зачем? Будешь помогать. Заодно быстрее вольешься в деловую колею, — ответил отец, наливая себе щедрую порцию виски.

— А я тоже поеду? — встревоженно спросила я. Мне ну-

жен был ответ. Я, конечно, хотела, чтобы Егор расстался со своей пассией, но не таким же способом. Если он уедет, я не смогу жить...

— Нет, — отрезал отец, не глядя на меня. — Ты остаешься здесь. У тебя школа, да и зачем тебе срываться с места? В Москве будет непросто, а здесь у тебя все налажено.

Я почувствовала, как внутри все оборвалось. Остаться здесь — значит потерять Егора окончательно. Он уедет, а я останусь наедине со своими чувствами, с этой невыносимой пустотой.

— Но... — попыталась возразить я, голос предательски дрогнул. — А как же я? Я тоже хочу быть рядом!

Отец отхлебнул виски, поставил стакан на стол и наконец посмотрел на меня — строго, почти холодно:

— Лиля, не устраивай сцен. Ты уже взрослая, должна понимать: это деловая поездка. Егору остался год до окончания школы. Он будет учиться в Москве, а так же помогать мне. А ты... закончишь здесь учебу, потом посмотрим.

Егор молчал все это время, глядя куда-то в сторону. Казалось, он и сам не рад перспективе переезда, но и спорить с отцом не решался. В его глазах читалась растерянность, а может, и тоска. Неужели он тоже не хочет уезжать? Или просто переживает из-за Лины?

Правда, позднее брат не раз уговаривал отца разрешить ему остаться в Весьегонске. Вот только Красавин-старший был категоричен в своем решении.

Видя, что отец упрямо стоит на своем, Егор снова решил попытать счастья с Линой. Купив красивый букет из дюжины красных роз, он отправился прямо к ней домой и при всей семье признался девушке в своих чувствах. Только вот Лина снова отвергла его. Эх, видели бы вы лицо моего брата в ту минуту, когда он пришёл домой! Вернувшись, он сам не был на себя похож: волосы взлохмачены, рубашка расстегнута на несколько пуговиц, а в глазах — краснота, словно слезы горечи душили его.

Последней каплей стал наш отец, который с отвращением взглянул на собственного сына и кисло сказал:

— Похоже, ты и на этот раз облажался, сынок.

Я тут же подбежала к Егору, чтобы утешить, но он не позволил. Оттолкнув меня в сторону, Егор засеменил в свою комнату. Но, не дойдя до лестницы, вдруг остановился.

Обернувшись к отцу, но не глядя на него, Егор сказал:

— Когда едем?

— Через неделю, — ответил отец. — Все уже решено. Собери вещи, завтра поедем покупать тебе костюм для школы и все, что нужно. — Радуюсь своему триумфу, добавил он, а мне захотелось убить его за это. Как он может так относиться к собственному сыну?

Не сказав больше ни слова, Егор, лишь кивнув напоследок, поднялся в свою комнату и больше оттуда не выходил до самого отъезда.

Я не раз стучалась к нему, но Егор не отвечал. Каждый раз

он молча отсылал меня, чем делал сердцу еще больнее. Но я выдержу. Я же сильная. Ведь выдержала же тяжелую жизнь в той элитной школе!

Неделя пролетела как один день — в суете сборов, в попытках хоть как-то поговорить с Егором наедине. Но он будто отгородился от меня невидимой стеной. Все его внимание было поглощено мыслями о Лине. Перед отъездом он даже умудрился с ней встретиться — я случайно подслушала их разговор у калитки.

— Я буду писать тебе каждый день, — говорил Егор, сжимая ее руку. — И приеду на каникулы. Обещаю.

Лина вздохнула, аккуратно высвободила руку:

— Не надо, Егор. Это все... слишком. Я не могу обещать тебе ничего.

Он не слышал. Или не хотел слышать. Его глаза светились надеждой, а я, прячась за кустом сирени, чувствовала, как сердце сжимается от боли.

В день отъезда я стояла у машины, не зная, что сказать. Егор подошел ко мне, неловко похлопал по плечу:

— Ну... пока, сестрёнка. Не скучай.

«Сестрёнка». Опять. Это слово резануло по живому. Я кивнула, с трудом улыбнувшись:

— Удачи, Егор. Пиши... если будет время.

Машина тронулась, а я осталась стоять на обочине, глядя вслед удаляющемуся автомобилю. В груди клубилась смесь отчаяния и упрямой решимости. Да, он уехал. Но я не сдам-

ся. Я найду способ быть рядом. Даже если для этого придется бросить все и отправиться в Москву следом за ним.

Прошло пару недель. Письма от Егора приходили редко — короткие, сухие, в основном о том, как он осваивается в новой школе. О Лине он совсем не писал. Однажды в телефонном разговоре я случайно услышала, как кто-то окликнул его:

- Егор, идем! — и голос был женским. Звонкий, лёгкий... чужой. Не мой, но всё равно чужой.

Это стало последней каплей. Однажды после окончания школы, одним решительным утром я вошла в кабинет отца, вернувшегося домой лишь за парой бумаг, и твёрдо произнесла:

— Я еду в Москву. Он удивлённо приподнял брови, но, к моему изумлению, не стал перечить.

— Что ж, — усмехнулся он. — Видимо, ты упряма ровно настолько же, насколько упрям я был в юности. Собирайся. Но заруби себе на носу: легкой жизни там не жди.

Я кивнула, чувствуя, как внутри разгорается робкая надежда. Наконец-то у меня появился шанс. Шанс доказать Егору, кто из нас достоин его любви.

Глава 4

Алекс

- Значит, договорились? Завтра приведу его, и ты посмотришь, что можно сделать, — Родриго потер переносицу тыльной стороной ладони. Он всегда так делал, когда нервничал, и это страшно раздражало меня. Черт, зачем я вообще в это ввязался? Знал же, что это дурацкая затея, которая ничем хорошим не кончится. Но мне, черт возьми, нужны были деньги, а Каррерас был идеальным вариантом.

Вырвавшись из неприятных раздумий, я кивнул.

— Хорошо. Ты будешь в восторге. Не подведи! — обрадовался мой мучитель. Только так я мог его сейчас называть, сам того не зная, что когда-нибудь пожалею о своем решении занять баснословную сумму у этого человека. Теперь я зависел от него. В ту самую минуту, как мы заключили сделку, тугая веревка, словно удавка, затянулась на моей шее.

«Алекс, какой же ты дурак!» — сказала бы Ксения, если бы видела собственными глазами, как я рушу свою жизнь. Но она не увидит. А я давно уже живу не по правилам. С тех самых пор, как моя родная сестра погибла, я старался добиваться всего сам, а не жить по указке до жути самовлюбленного отца.

Но кто знал, что моя неукротимая тяга к цели сыграет со мной злую шутку?

Я происходил из баснословно богатой и, в то же время, благородной семьи. В нашем роду, насколько я помнил, имелись даже особы голубых кровей. Крепкого телосложения, с голубыми, как небо, глазами и золотисто-светлыми волосами, аристократ по духу, отец мог заслуженно считать себя эталоном красоты и элегантности. Он занимался валютой и инвестициями и к тридцати годам приумножил богатство, унаследованное от дедушки. Красавица-мать, с длинными пепельно-русыми волосами и выразительными карамельно-карими глазами, была весьма востребованной моделью. Я же, прирожденный шатен с обычным кареглазым взглядом, абсолютная противоположность обоим родителям, заканчивал экономический университет и уже к двадцати пяти годам мог бы приступить к работе в «Group Company». Но вот только идти по стопам родителя я не собирался. Мое призвание было в другом. Я мечтал стать продюсером в звукозаписывающей студии и с нуля создать группу, специализирующуюся на альтернативном роке. Тяга к этому у меня была еще с детства. Еще я хорошо умел сочинять песни, но пел так себе, отчего тяга сделать из кого-нибудь крутую рок звезду возрастала в разы.

Конечно, отец считал это настоящей блажью, отчего мы часто ссорились. А моя сестра, словно балласт между нами, постоянно приходила на помощь, разнимая двух темпераментных мужчин. Наши ссоры с отцом порой превращались в драку, а пустая болтовня — в оскорбления, терпеть кото-

рые я был не в силах.

Да, Ксения, со светлыми, короткими, слегка вьющимися волосами и шоколадно-карими, добрыми глазами, а еще с чистой душой и чутким сердцем, была настоящей амазонкой в нашем споре и всегда могла постоять за меня, хоть и родилась на пару лет младше. И я ценил это, хотя не раз просил ее прекратить. Как раз она и взяла от каждого родителя по чуть-чуть харизмы, отчего к шестнадцати годам выглядела как настоящая красавица, в отличие от меня. Я никогда не гордился своей внешностью, хотя многих дам она вполне устраивала. Мне даже прочили карьеру в модельном бизнесе. Только вот я отказался. Никогда не видел себя в этой сфере.

А потом сестра умерла. Погибла в несчастном случае, переходя дорогу в неположенном месте. Какой-то там лихач сбил ее и скрылся с места происшествия. С того времени прошло уже четыре года, а я по-прежнему не могу оправиться. Моя жизнь словно разделилась на «до» и «после», а сам я, как тряпичная кукла, совершенно ничего не чувствую. Мои чувства остались погребены где-то глубоко внутри, и я не знаю, смогу ли когда-нибудь снова ощущать хоть что-то, кроме злости на своего отца. Ведь именно из-за него Ксения попала под колеса машины. Так уж вышло, что в тот злополучный день они сильно повздорили, и сестра, разозлившись, выбежала из автомобиля прямо на проезжую часть. Находясь в разъяренном состоянии она совсем не смотрела по сторонам.

По словам отца, он даже не успел что-то сделать, как Ксения уже лежала в лужице собственной крови прямо на проезжей части. Но я и вовсе не собирался его слушать. Вина за то, что он вообще ругался с дочерью, мертвым грузом легла на его плечи, и ничего теперь нельзя изменить.

После похорон, собрав кое-какие необходимые вещи, я просто взял и уехал. Находиться в одном доме с отцом и в безумно помпезных комнатах, где каждый уголок напоминал об улыбчивой, полной жизни сестре, я больше не мог.

Тут-то и подвернулся Каррерас. Он был знакомым нашей семьи, и так получилось, что мы вращались в одних и тех же кругах. Первым делом, что я сделал после ухода из дома, — это остановился в отеле. Оставив вещи, я направился в ресторан, где и встретил Родриго. Мне нужно было заглушить щемящую боль щедрой порцией виски, что я и делал, сидя у барной стойки.

Не знаю, зачем Каррерас вдруг оказался рядом, но, заметив меня, он сел напротив. Слово за слово, и мы разговорились. Находясь в полупьяном состоянии, я признался ему, что ушел из отчего дома и ищу работу в какой-нибудь высокооплачиваемой студии.

— И кем ты хотел бы быть? — поинтересовался Каррерас, отхлебывая немного коньяка наивысшей крепости.

Мои глаза тут же азартно заблестели.

— Хочу создать группу с нуля и продюсировать их творчество, — без всяких уверток тут же выдал я.

Каррерас хмыкнул, а я удивился, что здесь может быть смешного.

— Высоко однако метишь! — предположил он, почесывая переносицу.

— А что такого? Я всегда мечтал стать кем-то значимым в жизни.

— Прости, просто ты меня поразил. Не каждый в твоём положении решится на такое. Или это очередная глупость, так, чисто позлить великого Дмитрия Ветрова? — снова усмехнулся он, а мне захотелось вдруг встать и уйти.

«Причем тут вообще мой отец?» — подумал я, не понимая.

Резко поднявшись, я собрался на выход, как вдруг тяжёлая, прохладная рука опустилась на мое плечо.

— Да не горячись ты так, я просто пошутил! — с серьёзным и, в то же время, приказным выражением лица сказал он, отчего мне ничего не оставалось делать, как сесть на место. — Есть у меня одна работенка для тебя, только к ней нужен особый подход. Ты справишься?

Я ни на йоту не раздумывая кивнул. Не знаю, что тогда побудило меня так поступить. Должно быть, сказывался недавно выпитый алкоголь, а быть может, надежда, что вот я — в полушаге от мечты, и чтобы ухватить ее, остается лишь руку протянуть. В общем, я тут же согласился, еще даже не зная, что от меня требуется. А ведь Каррерас был опасен. Если захочет, он вполне может раздавить меня. Только вот я был

вполне уверен в собственных силах. На миг представив, что стану тем, кем хотел, я развеселился. Чувство эйфории накрыло меня. И мне абсолютно стало все равно, что за этим последует.

— Тогда по рукам! Приступить можешь хоть завтра, но у меня есть одно условие, — в этом весь Каррерас. Я и забыл, что он просто так не помогает. Всегда что-то требует взамен. — Я в долг дам круглую сумму, скажем так, на все расходы, что последуют на начальном этапе, а ты постепенно будешь отдавать мне деньги с окупившегося гонорара.

— Договорились. Но почему я? — удивившись еще больше, спросил я. Удача сама шла мне в руки, и отказываться я не собирался.

На долю секунды Каррерас смерил меня подозрительным взглядом, словно прикидывал в уме, что я могу его кинуть. Но моя тяга к мечте была сильнее всего. Она прямо затмевала другие эмоции, что Каррерас тут же прочел в моих глазах.

— Ты мне нравишься! Есть в тебе что-то, — наконец прямо ответил он, вставая. И я поверил ему.

Остановившись напротив, он вдруг вынул из портмоне, что держал в руках, визитную карточку и тут же протянул ее мне.

— Вот, возьми. Здесь мои контакты. Позвони, если до этого времени не передумаешь.

Расплатившись за недопитый коньяк и кивнув мне на прощание, он ушел, а я еще долго сидел и всматривался в ини-

циалы, указанные на визитной карточке. Решение уже давно было принято. И мне, честное слово, уже все равно, что последует после. Пусть мое согласие — это необдуманная ошибка, но мечта важнее, а от нее я не отступлю. В этот же вечер я позвонил Родриго, а на следующий день уже находился в самой, как оказалось, востребованной студии, которую мне предоставили.

Здание располагалось в переоборудованном промышленном складе на окраине города — массивные кирпичные стены, высокие потолки с открытыми коммуникациями и огромные панорамные окна, выходящие на железнодорожные пути. Снаружи оно выглядело неприметно: серая кладка, ржавые пожарные лестницы, но за тяжёлой стальной дверью начинался совсем другой мир.

Просторное помещение студии заливал мягкий дневной свет — он пробивался сквозь панорамные окна, играя бликами на полированном полу. Вдоль стен выстроились профессиональные осветительные установки, штативы с камерами разных моделей, стойки с микрофонами и звуковым оборудованием. В углу притаился внушительный монтажный стол с несколькими мониторами, рядом — стеллаж с реквизитом: от винтажных шляп и костюмов до футуристичных аксессуаров.

Воздух здесь будто пропитался творческой энергией: казалось, каждая деталь, каждый предмет ждал, когда его задействуют в новом проекте. На одной из стен висели постеры

с кадрами известных клипов и рекламных роликов — словно напоминание о том, каких высот можно достичь. Рядом — доска с заметками и раскадровками, испещрённая пометками и стрелками: видно, что работа здесь кипела постоянно.

Я медленно прошёл по студии, осторожно касаясь пальцами поверхностей оборудования. Пальцы слегка дрожали — не от страха, а от предвкушения. Вот она, моя стартовая площадка. Место, где я смогу воплотить идеи, которые годами копились в голове.

Теперь оставалось только распиарить себя и ждать, когда кто-нибудь откликнется. Но вот только ждать я не любил. Едва устроившись, я мгновенно собрал свое портфолио. Инвестировав средства, уже ждавшие своего часа на банковской карте, я загрузил всю информацию на целевой интернет-ресурс — именно там, как я знал, обитали сливки шоу-бизнеса, а значит, мне ждать было недолго. Окинув взглядом пространство ещё раз, я извлек блокнот и принялся набрасывать первые наброски для промо-ролика, призванного заявить обо мне миру. Камера, свет, композиция — все это уже выстраивалось в моей голове в четкую, неотвратимую последовательность. Я знал: первый шаг остался позади. Впереди — только путь вперёд.

Глава 5

Алекс

Год прошел с тех пор, как я устроился в студию, но долг Родриго так и не вернул. Впрочем, он и не требовал — или мне так казалось. Нет, не подумайте, я и не собирался присваивать себе чужие деньги. Всегда намеревался вернуть занятую сумму немедленно, но обстоятельства сложились иначе. После моего скоропалительного ухода из дома отец, тот еще стратег, без ведома и спроса заблокировал все мои банковские карты. Оказалось, ему стало известно о моих встречах с Каррерасом, с которым, как выяснилось, у него имелись серьезные разногласия. В тот же вечер, когда я, ослепленный амбициями, согласился на условия Каррераса, раздался звонок. Отец, будто решив надавить на самую больную точку, потребовал вернуться домой, пригрозив лишить наследства и последних грошей. Я тогда лишь усмехнулся, сочтя это блефом, но, как оказалось, зря. Старший Ветров сдержал слово. На следующий день я был лишен всех привилегий — и тут уж пришлось полагаться лишь на себя. Каррерасу, конечно, о случившемся я не сказал. Кто знает, вдруг и он решил бы вышвырнуть меня из студии.

Моя карьера, словно птица, расправила крылья. После того самого, тщательно спланированного пиара, появились первые клиенты. Это была малоизвестная группа, нуждав-

шаяся в продвижении. Двух brutальных брюнетов с копной темных волос дополняла экзотическая девушка с короткой стрижкой и кудрями, выкрашенными в кричащий белый цвет.

Поначалу они отнеслись ко мне со скепсисом. Ребята посчитали меня слишком юным, чтобы справиться с их амбициями, но они ошибались. Меня словно озарило, я ухватился за эту соломинку, и через месяц мог с гордостью продемонстрировать первые плоды своего труда.

Группа стремительно взлетела на вершины чартов, их треки мгновенно покорили эфир, а я стал узнаваем в кругах московской элиты. Предложения посыпались, словно оглушительный дождь. Я стал востребованным молодым продюсером, способным соперничать с самими высшими столпами музыкальной индустрии.

Свалившаяся слава, эйфория, захлестнули меня с головой, и я напрочь забыл о долге Каррерасу. О чем он, однажды, не преминул мне напомнить.

Это был самый обыкновенный день в моем, казалось бы, непростом графике. Сейчас я работал с одной излишне капризной группой. В кратчайшие сроки нам предстояло записать альбом, но ничего не получалось. Солисту, Димону, как он любил себя называть, не нравилось ровным счетом ничего из моих предложений. Он находил недочеты во всем, постоянно твердя, что ему не доплачивают за качество работы. Я старался изо всех сил, крутился как белка в колесе, а тут

еще и Каррерас, явившись без предупреждения, лишь подлил масла в огонь.

В конце концов, Димону понравилось несколько треков, а может, свою лепту внесло присутствие Родриго. Ведь этот человек обладал такой оглушительной энергетикой, что каждый, кто сталкивался с ним, робел, словно первоклассник на экзамене, стремясь поскорее ретироваться. Группа, мигом подобрав себя, бросилась к двери. Пожав мне на прощание руку и поспешно кивнув усмехающемуся Каррерасу, Димон вышел следом за ребятами. И мы остались одни.

Встав с обитой дорогой черной кожей кресла, Каррерас принялся осматривать студию. Это место я преобразил, вложив деньги, полученные от одного миллиардера за работу с его ветреным сыном — парнем, за которого не брался ни один уважающий себя продюсер. Я же согласился, поддавшись соблазну щедрого вознаграждения.

Похоже, Каррерас явился не просто так. Он каким-то образом прознал, что у меня появились деньги.

«Черт», — схватился я за голову, ожидая смертельного приговора. Каррерас, погруженный в раздумья, видимо, прикидывал, чем мне предстоит расплачиваться. Я уже предчувствовал, что он может отнять у меня студию, или, что еще хуже, вышвырнуть вон.

— Выглядит неплохо! — Его вердикт, остановившись возле стеллажа с наградами, прозвучал как приговор.

В закрытом стеклянном шкафу в ряд стояли различные

статуэтки, грамоты и даже парочка медалей, аккуратно разложенных на одной из полок. Это изобилие, призванное лишь создать видимость успеха, вовсе не принадлежало мне. Не знаю, зачем я выложил их, наверное, хотел показать, что чего-то стою. Кто-то когда-то сказал, что это поможет мне завоевать больше клиентов. Похоже, этот человек намеренно хотел подставить меня. Теперь, глядя на фальшивые свидетельства моего «величия», я понял одно: я совершил непростительную ошибку, строя карьеру на лжи, подобной бездонной пропасти.

— Интересно, и за какие же средства ты успел купить столько оборудования? — снова по старой привычке, почесывая переносицу, спросил Каррерас. Странно, но награды, не принадлежащие мне, он проигнорировал, решив перейти к сути своего визита.

— Родриго, позвольте объяснить, я...

— Похоже, ты решил жить на широкую ногу, а как же долг, или думал, что я так, по доброте душевной, захотел тебе помочь? — обойдя меня, Каррерас остановился у дорогого, утонченного рояля, отдающего синим мерцанием.

В задумчивости он осторожно провел костяшками пальцев по гладкой поверхности. Это простое, на первый взгляд, движение заставило меня напрячься до предела. И, как назло, в голове не было ни одной здоровой мысли, которая помогла бы выпутаться из созданной мной же передраги.

— Послушайте, Родриго, я честное слово собирался вам

вернуть половину, но...

— Но, занятый прежде всего своей выгодой, решил не возвращать, — снова перебил меня Каррерас, что начинало сильно раздражать. Он, похоже, заиклившись на себе, во все не собирался слушать моих объяснений.

Закончив с роялем, Каррерас вновь оказался возле стеллажа. «И зачем только он сдался ему?» — следя за своим мучителем, подумал я.

— А вот врать нехорошо! — Родриго покачал головой, беря в руки «Бриллиантовую ветвь» — награду, которой обычно отмечали заслуженных представителей богемы. Само собой, я не относился ни к одному из них, что Каррерас, естественно, заметил.

Мне хотелось возразить, сказать хоть что-нибудь в свою защиту. Я даже готов был опуститься на колени и молить не выгонять меня, но Родриго, взмахом руки, остановил мой унижительный порыв.

— Алексей, — хмурясь, заявил он, — меня не особо интересует, зачем ты присваиваешь себе чужую славу. Я здесь совсем по другому вопросу. Вижу, что долг ты возвращать не собираешься, и поэтому предлагаю тебе последний шанс. Но если и здесь ты облажаешься, то пеняй на себя.

— Обещаю, что вскоре все вер...

— Не будь таким бесхребетным, что ли. Смотреть противно. Это не в твою пользу, Ал. Соберись лучше и послушай, что я тебе скажу, — заявил Каррерас. Теперь в его го-

лосе чувствовалось раздражение, и я понимал, что мне лучше не злить его на пустом месте.

— Что за шанс? — натянуто спросил я.

— У меня на примете есть один музыкант. Он очень талантливый юноша, хотя сам того не осознаёт. Вообще, его нужно как следует подтолкнуть. Я хочу помочь, так как обещал близкому другу, что не позволю Микаэлю перебиваться в сомнительных забегах на окраине Москвы.

Всем сердцем ощущая искреннюю заботу, исходящую от Родриго и обращенную на какого-то неизвестного мне типа, я испытал настоящую гамму чувств. Зависть, подобно коварной змее, закружилась во мне. Это нехорошее чувство, словно невидимым жгутом, опутало мое бешено бьющееся сердце, и как я ни хотел его искоренить, у меня ничего не получилось. Подумать только, я тут на полную катушку выкручиваюсь перед ним, а он, видите ли, печется совсем о другом человеке, который, по сути, и известным музыкантом не был.

— А от меня чего требуется? — грубо спросил я, ни в коем случае не собираясь отходить от своих принципов — никогда не заключать контракт с начинающими исполнителями. Все потому, что с ними было куча мороки, и мне не хотелось впоследствии самому разгребать всю ту кашу, что обязательно возникнет после заключения контракта. И Каррерас, как ни кто другой, прекрасно знал об этом.

— От тебя требуется всего лишь поработать с ним и помочь закрепить на Олимпе славы, — уверенно заявил он,

неожиданно с грохотом поставив на полку очередную не мою награду.

— Но я не могу, вы же знаете... — начал было я, хотя уже прекрасно понимал, что из этой кабалы мне не выбраться.

— Можешь. И, больше скажу, будешь с ним работать, а иначе я не посмотрю, кем ты стал за столь короткий срок, и мигом уничтожу тебя, — криво усмехнувшись, цокнул языком Каррерас, и я понял, что слов он на ветер не бросает. — Жаль будет твои начинания, Алекс. Искренне жаль. Ведь, честно скажу, здесь ты преуспел. Поэтому подумай над моим предложением и прими правильное решение. — Почесав подбородок, Каррерас в последний раз, качая головой, взглянул на стеллаж, а после, не удостоив меня взглядом, направился к выходу. Но у самой двери, словно что-то забыв, вдруг остановился и обернулся ко мне. — А кстати, я полностью спишу твой долг, если ты согласишься.

Кивнув на прощание, Родриго поспешил уйти, но я, сам того не осознавая, внезапно остановил его теми самыми словами, которые при любых других обстоятельствах никогда бы не сказал.

— Я согласен, пусть приходит.

— Договорились. Другого я и не ожидал от тебя услышать.

Весело посвистывая, Каррерас наконец ушел, а я еще долго сидел и пялился на распахнутую дверь, которую мой мучитель так и не потрудился закрыть.

— Черт, это ж надо так вляпаться! — пробубнил я, хватая

стакан с недопитым виски и швыряя прямо в тот самый стеклянный стеллаж, где громоздились присвоенные мне грамоты. Стекло разбилось и разлетелось вдребезги по всей комнате, звенящим шумом призвав мою ассистентку Алёну, которая со страхом в глазах застыла на месте, не зная, что следует делать.

— Убери здесь все и отмени все встречи, запланированные на ближайшую неделю! — ослабляя галстук, крикнул я.

— Но Алексей Дмитриевич... — испуганно пятясь назад, пропела она.

— Не заставляй меня повторять дважды! — Выплюнул я, бросая на нее разъяренный взгляд. Сейчас со мной лучше не связываться, и Алёна, как никто другой, это прекрасно понимала.

— Будет сделано! — вымолвила она, осторожно сметая учиненные мной осколки в пластмассовый совок.

Кивнув, я молча вышел из студии. Сев в машину, я ударил по газам. Гнев на Каррераса все еще жил во мне. Больше всего меня терзала беспомощность перед ним. Родриго оказался изощренным манипулятором, просчитавшим все ходы наперед. Теперь мне приходилось плясать под его дудку, что вызывало жгучее раздражение. Я никогда не гнулсЯ ни перед кем, даже отец смирился с моим нравом. А тут этот... диктует мне условия.

Что ж, я принимаю правила игры, но лишь для того, чтобы переписать их на свой лад. Каррерас еще не раз пожалеет,

что выбрал меня. Я докажу ему свою силу, а дальше посмотрим, кто кого сломит. От своей мечты я не откажусь. Если потребуется, пойду по головам, не моргнув и глазом.

Глава 6

Лиля

Осматривая безупречно оформленный зал, я радовалась, словно ребенок. Ведь именно я отвечала за планировку и декор этой галереи. Здесь действительно было чудесно: пышные цветочные композиции наполняли пространство нежностью, но при этом не затмевали великолепные полотна, расставленные по периметру. Возле ажурных мраморных колонн тянулись столы, ломившиеся от закусок и напитков. В центре возвышалась сцена — сегодня здесь должна была выступить рок-группа, приглашенная лично Егором. К сожалению, самого брата не было рядом, и он не мог оценить мой триумф. Как же мне хотелось поразить его! Оставалось лишь надеяться, что его невесте этой выскочке Ангелине всё понравится, иначе мой праздник будет окончательно испорчен.

Подойдя к зеркалу, я скептически оглядела себя. Даже коктейльное черное платье с открытым декольте и элегантная укладка не приносили радости. Всё как обычно. Как бы я ни старалась, Егор всё равно не посмотрит на меня, а ведь я каждый раз наряжаюсь только ради него. Даже цвет волос — мой недавний эксперимент с блондом — был лишь попыткой привлечь его внимание. Его невеста была светловолосой, и я втайне надеялась, что это даст мне шанс затмить её. Раньше он замечал меня, даже делал комплименты, но как только на

горизонте появилась эта Лина, он перестал меня видеть.

Теперь они пара, и эта пигалица скоро станет его женой. Осознание серьезности ситуации накрыло меня, когда Ангелина переехала в пентхаус моего брата. Видеть их вместе было невыносимо. Я проплакала всю ночь, а на следующее утро предстала перед отцом в ужасном виде: с покрасневшим лицом и темными кругами под глазами. Как назло, Егор, который уже какое-то время жил отдельно, решил зайти к нам. Я смутилась до багрового оттенка, но он, как всегда, не заметил моих терзаний. Поболтав с отцом о делах, он лишь мимолетно подмигнул мне и ушел, оставив меня в смятении. С тех пор я возненавидела Лину еще сильнее. Поэтому этот вечер, организованный в её честь, был важен для меня как никогда. Я жаждала безупречности, но ждала похвалы вовсе не от неё — мне было жизненно необходимо признание Егора.

Но эта стерва даже не удостоила мои старания взглядом. Она, как обычно, потребовала всё переделать, и моё настроение мгновенно рухнуло. В какой-то момент мне захотелось сорвать этот «идеальный» вечер, но я сдержалась: знала, что Егор, не выслушав объяснений, просто уволит меня. Хотя, возможно, и нет — он не раз вставал на мою сторону. Конечно, только благодаря моим интригам. Я постоянно создавала проблемы его драгоценной невесте, и брат, на удивление, верил мне, а не ей. Однажды из-за моих действий они сильно поругались, и Лина не разговаривала с ним неделю. Как же мне хотелось снова навредить ей в такой важный день!

Но я решила не испытывать судьбу — Егор бы мне этого не простил.

«Ничего! Скоро я найду способ сорвать вашу скоропальтельную свадьбу», — ехидно усмехнулась я про себя.

После разговора с Ангелиной я дала указания дизайнерам и отправилась на поиски брата. Искать его долго не пришлось. Он находился в одной из гостевых комнат. Галерея была устроена так, чтобы гости могли не только любоваться искусством, но и решать деловые вопросы в уединении. Эти комнаты, защищенные от посторонних звуков, были оснащены всем необходимым: от бильярда и джакузи до роскошных баров и конференц-залов.

В одной из таких комнат я и нашла Егора. Он беседовал с двумя харизматичными парнями. Завидев меня, они расплылись в улыбках. Один — рыжеволосый, с забавными карамельными глазами, — весело подмигнул мне. Другой — русский, с глазами темными, как ночь и холодными, как зимнее утро — замер, зацепившись за меня взглядом. Я тоже застыла словно дура, глядя на него. Внутри что-то екнуло, сердце забилось о ребра, словно обезумевшее. Мы

так и продолжали играть в гляделки, если бы голос брата не обрушился на нас, подобно снежной лавине.

— Ты чего-то хотела? — раздраженно буркнул Егор.

— Эм... так, неважно! — промямлила я, пятясь к двери, но не рассчитала расстояние и больно ударилась о стену. Русский парень не удержался от усмешки.

— Хорошо. Передай Ангелине, что я скоро буду. А теперь можешь идти, — бросил Егор, отпивая янтарную жидкость из бокала. Он снова перестал меня замечать.

«Это и есть та самая группа?» — с интересом подумала я, не в силах отвести глаз от незнакомца, который продолжал с необъяснимым интересом наблюдать за мной.

— Ты еще здесь? Не трать мое время, сестра, — яростно отчеканил Егор. Он был зол не на меня, а на парней, но как всегда мне в первую очередь досталось. В его глазах читалась неприкрытая ненависть, от которой я поежилась. Но еще там был скрытый триумф — казалось, главный сюрприз еще впереди. Похоже, приглашение группы было не случайным. «Может, это поможет сорвать свадьбу?» — мелькнула мысль. Наверное, я ужасная сестра, но любовь к Егору затмевала рассудок.

В этот момент в комнату вошел третий парень — брюнет с волнистыми волосами, от которого исходила такая мощная харизма, что у меня едва не подкосились ноги.

— Прости, отлучился ненадолго. Я Мигель, — произнес он с легкой скукой в голосе.

— Рад знакомству, — отозвался Егор с фальшивой вежливостью.

Я поспешила уйти, решив больше не искушать судьбу.

Покинув комнату я принялась снова рассматривать итоги своей проделанной работы. Зал уже блистал. Проекторы раскрашивали пространство, официанты в темно-крас-

ных ливреях сновали между столами. Гости были довольны, или мне просто хотелось в это верить? Всё было готово, не хватало лишь хозяйки праздника и самой группы. Я отправилась на поиски Ангелины. Она нашла убежище в своем кабинете, где, как оказалось, просто спала. Это вывело меня из себя.

— Гости уже прибыли, ждут только вас, Ангелина Ильинична, и, конечно, группу! — громко произнесла я, намеренно выделяя каждое слово.

Она резко проснулась. Я ощутила мимолетное злорадство: видеть соперницу не в форме было приятно.

— Одну минуту! Я скоро подойду, — пробормотала она, судорожно поправляя зеленое платье очень сильно напоминающее обычный сарафан. Я тут же почувствовала прилив радости от того, что выгляжу эффектнее Ангелины. Моё чёрное платье, обволакивающее фигуру подобно кокону, лишь подтверждало: этот вечер будет в мою пользу.

Радуюсь удачи я вышла из кабинета, опять подошла к зеркалу, где подправила ультромодный макияж, который теперь мне казался совсем не скучным. Достав из золотистой сумочки помаду, я почувствовала чье-то присутствие. По телу пробежала дрожь. Тюбик выскользнул из рук, и, когда я наклонилась, чтобы поднять его, мы с незнакомцем столкнулись лбами.

— Прости! — улыбнулся он.

Я вскинула подбородок, стараясь сохранить гордый вид,

но буквально утонула во взгляде — глубоко, как растопленный шоколад. Это был тот самый парень. Мое тело вспыхнуло, словно я коснулась раскаленных углей. Но я тут же отогнала эти мысли: мое сердце принадлежало Егору.

— Привет, я Алекс, менеджер группы. А ты?

— Это лишнее. Если ищите Ангелину, она в кабинете, — отрезала я, указывая на дверь.

Но он не собирался уходить. Напротив, он подошел ближе.

— А может, я искал только тебя?

— Что?

— Может, потанцуем?

Прежде чем я успела возмутиться, он нагло обхватил меня за талию.

— Что ты себе позволяешь?!

Он будто не слышал меня. Положив мои ладони себе на шею, он начал вести меня в медленном вальсе. В полумраке ниши это выглядело завораживающе. Я онемела.

— Так как же тебя зовут, красавица?

— Я не буду отвечать, — буркнула я.

— Как насчет Юлии? — он крутанул меня, заставив рассмеяться.

— Ты шутишь?

— Значит, ошибся... Аня? Марина?

Он пристально изучал мое раскрасневшееся лицо. Его взгляд будоражил, заставляя чувствовать себя живой, и это

пугало.

— Лиля! Вот ты где, нужна твоя помощь! — внезапно прервал нас чей-то голос.

— Значит, Лили... — Алекс отпустил меня, словно пробуя имя на вкус. «Никто меня так не называл», — промелькнуло в голове. Мне даже понравилось это ласковое сокращение.

Но внезапная химия исчезла, сменившись раздражением.

— Для вас я Лилия Константиновна! — отрезала я и поспешила прочь.

— Возьму на заметку, Лили, — донеслось мне вдогонку.

Глава 7

Алекс

На моем лице застыла нелепая, дурацкая улыбка. Она появилась, стоило той девушке уйти, и никак не хотела сходить с лица после её ухода. Невероятная ирония судьбы – она была так похожа на мою погибшую сестру. Это открытие взбудоражило меня до глубины души. Кровь застучала в висках: упустить такой шанс было бы непростительной глупостью. Нестерпимо

захотелось поиграть с ней, отомстить Красавину, которого я и представить не мог, что встречу вновь. Я достал телефон, открыл галерею – с экрана на меня смотрело фото сестры. Щемящее чувство утраты захлестнуло с непреодолимой силой. Оторвавшись от телефона, я перевел взгляд на ничего не подозревавшего Егора. За эти четыре года, что мы не виделись, он нисколько не изменился. Всё тот же подонок с холеным лицом. Он как всегда непринуждённо общался с Миком, но я-то знал, что это напускная маска его бравады. Конечно же, Егор узнал меня и всячески пытался не смотреть в мою сторону. Даже когда Мигель отлучился по нужде, Красавин вел беседу лишь с Петькой, а меня игнорировал, чем еще больше выводил из себя. «Ну ничего, ты еще увидишь, на что я способен, и как могу постоять за погубленную честь сестры», — сжимая кулаки, подумал я, тоже вполне искусно

скрывая свои эмоции.

Теперь нужно было найти девушку, постараться влюбить ее в себя, а потом жестоко разбить сердце и жить дальше. Всё складывалось очень даже хорошо. Эта незнакомка оказалась сестрой моего врага, а значит, вендетта случится, и Ксения сможет спать спокойно.

Еще в той комнате, где я впервые увидел незнакомку, мне вдруг захотелось всё узнать о ней. И я поклялся себе сделать это. Ведь я не привык отступать. Продолжая находиться рядом с Красавиным, я больше не вникал в суть беседы. Я то и дело прокручивал странную встречу у себя в голове. Хорошо хоть Микаэль не остался в стороне. Замечая мою внезапную отстраненность, он все заминки насчет выступления взял на себя. Вот только благодарить его за это я не спешил.

Мне хотелось поскорее убраться из этой душной, приторно уютной комнаты. А всему виной был, конечно же, Красавин. Не думал я, что судьба — коварная плутовка — однажды сыграет со мной злую шутку. Но, как видите, такое тоже случается. Никто от этого не застрахован. Вот и я попал, как говорится, в просак.

Так уж получилось, что с Егором я был одно время хорошо знаком. Мы дружили в юные годы, но правда наша дружба продлилась недолго, и о том, что её разрушило, мне совсем не хотелось вспоминать. Как-то раз Красавин причинил мне сильную боль, сделав то, что навсегда останется во мне незаживающей раной.

Я рос в довольно обеспеченной семье. С детства мне ни в чем не отказывали. Всё, что я только хотел, тут же подносилось на золотом блюдечке, отчего я рос избалованным, эгоистичным убудком. Красавина я встретил уже в Москве. Как только отец приехал туда, он запихнул меня в самую престижную школу, а также заставил помогать ему в компании. Мне это до безумия не нравилось, но поделаться я ничего не мог. В юности отец всегда подавлял меня своей властью, не упуская случая сказать, что лишит привилегий роскошной жизни, если я начну перечить ему. Поэтому, когда я встретил Егора, который учился со мной в одном классе, обрадовался по самые уши. Ведь Красавин был абсолютно таким же избалованным, как и я. В итоге мы нашли общий язык, став кутить вместе. Позже мы поступили в один университет, на экономический факультет, и там-то окончательно сбились с пути.

Помню, с Егором мы очень хорошо веселились, спокойно, без зазрения совести оставляя в сомнительных местах баснословные купюры наличных. Вот и в тот вечер, когда случилось непоправимое, я выпил сильнее обычного. Егор же почему-то совсем не пил. О том, что последовало дальше, я узнал позднее, отчего у меня просто сорвало крышу.

Мы тогда зависали на одной вечеринке, на которую пришла и моя сестра Ксения. Егор тогда еще с ней не был знаком. Он сразу положил на сестру глаз. Ксении тоже он пришёлся по душе. Но она у меня была немного замкнутой в

свои шестнадцать лет, и я почему-то решил, что друг не воспользуется несовершеннолетней, неопытной девушкой. Ведь «такие, как она», говорил он, были не в его вкусе. Вообще я расслабился и унял бдительность. Егор же присмотрит за сестрой, ведь так? Боже, как я тогда ошибался. Мало того, что друг не присмотрел за сестрой, так он ей еще и воспользовался. Щедро напоив меня, он уединился с Ксенькой на втором этаже дачного коттеджа, где изнасиловал её. После чего Ксения совсем ушла в себя. Случившееся тем вечером стало точкой невозврата. Как оказалось, Егор напрямую был причастен к тому, что позднее произошло с моей сестрой. Ведь она в тот день, когда её сбила машина, пыталась донести до нашего нерадивого отца, что с ней сделала эта сволочь. Но отец отказался слушать. Мало того, чтобы помочь, он еще больше подлил масла в огонь, якобы это она во всем виновата. Ксения, чувствуя себя раздавленной и униженной, в итоге бросилась под колеса машины. Это я узнал потом от полицейского, который вел дело. Егор же из этой истории вышел безнаказанным. Его «отмазал» собственный отец. Да и потом доказательств и улик не осталось. Ксения долго держала всё в себе, пока не решила поделиться наболевшим с отцом, а он просто проигнорировал собственную дочь, и за это я его ненавижу.

Как только я увидел Егора спустя четыре года после случившегося, моим первым действием было как следует поквитаться с ним, заставить в конце концов понести наказание

за искалеченную жизнь сестры. Но я сдержался. Хотя обстановка между нами накалилась до предела. А потом...

Потом я увидел её, и всё закрутилось внутри с бешеной силой. С того момента, как наши взгляды столкнулись, я не мог сосредоточиться ни на чем. Признаю, девушка понравилась мне, но я не поддамся. Месть важнее. Собрав себя по частям, я довольно спокойно закончил наши дела. Позже, когда этот скользкий тип ушёл, Микаэль посоветовал мне прекратить сотрудничество и уехать домой. Ему сразу не понравился Красавин, и эта неприязнь была взаимной. Как только мы вошли в комнату, Егор то и дело бросал на Мика неприятные взгляды, словно что-то имел против него. Меня же Красавин, похоже, побаивался, что немного радовало. Ведь не знаю, как бы я себя повел, если бы все обстояло иначе.

Вскоре, как все дела были улажены, группа отправилась в закулисье, чтобы подготовиться к предстоящему концерту. Теперь я был предоставлен самому себе и больше не собирался терять отведенное на отдых время. Я принялся искать её, прекрасно понимая, зачем это делаю.

Прежде всего я хотел отомстить Егору и немного развлечься, но было ясно одно: хоть я и пытался это игнорировать, девушка что-то всколыхнула в моей истерзанной душе.

Отношения сейчас не входили в мои планы, а месть входила. Еще нужно было позаботиться о том, чтобы группа не облажалась, а выступила превосходно. Но я знал, что такого не случится. У нас всегда все было схвачено, и Микаэль по-

стоянно находился в форме еще за несколько часов до концерта, готовясь с небывалым рвением, словно от выступления зависела вся его жизнь. За это я, возможно, и уважал его. За три года, что мы работали вместе, Мик еще ни разу не подвёл меня. Действительно, было в нем что-то такое, о чем тогда говорил мне Каррерас.

После моего согласия заняться его протеже Родриго и вправду списал мой долг, но это было лишь для отвода глаз. Каррерас ясно дал понять, что так просто всё не оставит. Он обязательно вспомнит о деньгах, если я не выполню свою часть уговора. Вот и приходилось как следует заниматься творчеством Мигеля, забывая о других, более важных делах.

С Миком мы довольно близко сдружились, чего не скажешь об остальной части команды. Например, этот его друг по имени Петька напрочь выводил меня из себя. А все потому, что он видел мою истинную натуру, что мне совсем было не по душе. А еще Петька возникал везде и всюду. Да, его вообще было много, отчего я часто раздражался и выходил из себя. Свой гнев я, конечно же, вымещал на этом недоумке, а он, похоже, еще больше забавлялся, видя, что я не могу держать себя в руках. Петька не раз говорил, что я просто завидую Мигелю и не могу смириться с тем, что Каррерас постоянно расхваливает только его, а меня в упор не видит. Да, в чем-то он был прав. Хотя я и вовсе не хотел признавать этого. Еще с первой встречи с Микаэлем во мне поселилась противная зависть, которая с каждым днем разрасталась все

глубже и глубже. Стараясь хоть как-то умерить ее, я принимался крушить все в своей квартире, которую, кстати, тоже мне выделил Каррерас, давая этим понять, что я полностью пляшу под его каблуком. К отцу за помощью я не обращался. Заблокировав мои карты, он напрочь вычеркнул меня из своей жизни. Ну что ж, а я в ответ вычеркнул его.

Отбросив неприятные мысли, что пронырливой змеей без конца лезли в голову, я еще раз огляделся. Гости уже расселись по местам и в предвкушении глазели на сцену. Вот-вот должны появиться гитаристы, в числе которых был и Петька. Этого парня нужно было уволить еще в зародыше, но я не спешил. Готов признать, он действительно играл отменно, всегда сливаясь с музыкой в одно целое, отчего порой бежали мурашки не только по моей спине.

Сейчас мне нужно было быть в закулисе. Время отведенное на отдых закончилось. Но мои ноги вдруг приросли к полу, не позволив даже на дюйм сдвинуться с места. Пульс подскочил до непредвиденной отметки, а сердце вспыхнуло, словно в нем разгорелся небывалый пожар. А все потому, что я увидел ее. Та самая девушка, что совсем недавно ворвалась в комнату и прервала наш разговор, любовалась собой, смотря в овальное зеркало. Не скажу, что она потрясала своей красотой. Вполне обычная блондинка с короткой стрижкой, смуглым лицом в форме сердечка и вздернутым аккуратным носиком. В моем окружении и то встречались намного красивее. Но карие, словно кедровый орех,

глаза незнакомки ударили меня прямо в сердце. Таких глаз, готов признать, я не видел ни разу. Их радужки переливались золотистым светом и завораживали своей глубиной. А еще то, что чувствовал, я сразу списал на то, что она похожа на мою сестру.

Незнакомка тоже заметила меня в своем отражении, отчего испугалась. Ярко-красная помада, которой она недавно подкрашивала губы, неожиданно выскользнула из рук и покатилась по полу прямо к моим ногам. Фантазии тут же калейдоскопом вспыхнули в моей голове. Мне вдруг захотелось своими губами стереть столь вульгарную помаду, которая ей совершенно не шла. Я действовал почти машинально. Опустившись на колени, я хотел было поднять вещь, упавшую на пол, но девушка, похоже, мыслила иначе. Она тоже в эту самую минуту опустилась на колени, отчего мы столкнулись лбами.

— Прости! — выдохнул я, сфокусировав взгляд на прелестных губах незнакомки.

Девушка молчала. Словно пребывая где-то в другой реальности, она пристально разглядывала меня. Так бывает: раньше такое прямое внимание вызвало бы у меня раздражение. Ведь девушки никогда не обходили меня стороной, часто заискивающе подмигивая и намекая на приватную близость. А я этого не любил, устав от всех этих расфуфыренных кукол. Хотелось чего-то настоящего, нового. И глядя на незнакомку, я понял, что она совсем другая, хоть и пы-

тается скрыть своё истинное лицо за перекрашенными волосами и вызывающим макияжем. То, что передо мной не натуральная блондинка, я понял сразу, как только, ударившись об меня, она хлестнула по лицу этими платиновыми прядями. «Интересно, зачем ты их перекрасила?» — подумал я, погружаясь в размышления. Сейчас мне очень хотелось узнать истинный цвет её волос. Готов признать, что я нравился многим, хоть и оставался на вторых ролях после Микаэля. Но сейчас её пристальный взгляд польстил мне. Когда незнакомка медленно, ничего не упуская, сканировала мою внешность, я наградил её внутренней улыбкой, радуясь тому, что пришёлся ей по вкусу.

— Привет, я Алекс, менеджер группы. А ты? — наконец решился спросить я, нехотя обрывая наш затянувшийся молчаливый флёр.

Мне отчаянно хотелось узнать её имя. И я непременно узнаю. Так просто я отсюда не уйду. Дело здесь не в ненависти, которая вдруг ушла на задний план. Эта девушка ещё даже не осознаёт, как крепко запала мне в душу. Время текло, а незнакомка всё не спешила открываться мне. «Может, она не слышит?» — подумал я, тут же осознав глупость мысли. Она прекрасно всё слышит, просто не хочет отвечать. Вот идиот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.